

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

Въ мѣ "Юніонъ"
состоится
АНОНСЪВЪЗДѢЛЪНОВОЙ БИРЖИ
Въ этомъ домѣ 6 этажа

КОНЦЕРТЪ

Марин Ивановны Долиной

КОНЦЕРТЪ

извѣстной артистки,
всѣхъ артистовъГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 2 (92)

Июнь. 2015 год.

Иосиф БРОДСКИЙ

Перед памятником А.С. Пушкину в Одессе

Якову Гордину

Не по торговым странствуя делам,
разбрасывая по чужим углам
свой жалкий хлам,
однажды поутру
с тяжелым привкусом во рту
я на берег сошел в чужом порту.

Была зима.
Зернистый снег сек щеку, но земля
была черна для белого зерна.
Хрипел ревун во всю дурную ночь.
Еще в парадных столбенела ночь.
Я двинул прочь.

О, города земли в рассветный час!
Гостиницы мертвы. Недвижность чаш,
незрячесть глаз
слепых богинь.
Сквозь вас пройти немудрено нагим,
пока не грянул государства гимн.

Густой туман
листал кварталы, как Толстой роман.
Тяжелым льдом обложенный лиман,
как смолкнувший язык материка,
серел, и, точно пятна потолка,
шли облака.

И по восставшей в свой кошмарный рост
той лестнице, как тот матрос,
как тот мальпост,
наверх, скребя
ногтем перила, скулы серебра
слезой, как рыба, я втащил себя.

Один как перст,
как в ступе зимнего пространства пест,
там стыл апостол перемены мест
спиной к отчизне и лицом к тому,
в чью так и не случилось бахрому
шагнуть ему.
Из чугуна
он был изваян, точно пахана
движений голос произнес: "Хана
перемещеньям!" — и с того конца
земли поддакнули звон бубенца
с куском свинца.

Податливая внешне даль,
творя пред ним свою горизонталь,
во мгле синела, обнажая сталь.
И ощутил я, как сапог — дресва,
как марширующий раз-два,
тоску родства.

Поди, и он
здесь подставлял скулу под аквилон,
прикидывая, как убраться вон,
в такую же — кто знает — рань,
и тоже чувствовал, что дело дрянь,
куда ни глянь.

И он, видать,
здесь ждал того, чего нельзя не ждать
от жизни: воли. Эту благодать,
волнам доступную, бог русских нив
сокрыл от нас, всем прочим осенив,
зане — ревнив.
Грек на фелюке уходил в Пирей
порожняком. И стайка упырей
вываливалась из срамных дверей,
как черный пар,
на выученный наизусть бульвар.
И я там был, и я там в снег блевал.

Наш нежный Юг,
где сердце сбрасывало прежде выюк,
есть инструмент державы, главный звук
чей в мироздании — не сорок сороков,
рассчитанный на череду веков,
но лязг оков.

И отлит был
из их отходов тот, кто не уплыл,
тот, чей, даваясь, проговорил
"Прощай, свободная стихия" рот,
чтоб раствориться навсегда в тюрьме широт,
где нет ворот.

Нет в нашем грустном языке строки
отчаянней и больше вопреки
себе написанной, и после от руки
сто лет копируемой. Так набегае на
пляж в Ланжероне за волной волна,
земле верна.

Отклики на статью "1945 – 2015. Одесса – Элизабет-Сити" с которой можно ознакомиться в Интернет: odessitclub.org/reading_room/roukman/9_may.php.

Уважаемый господин Рукман! Как хорошо, что Вы написали мне, а он сообщил мне, и я разыскала Ваше сообщение.

Я не в отпуске сейчас, и мой походный планшет записал Ваше письмо в карантин. Ура, у нас есть ответ из библиотеки Конгресса. Папин друг – навсегда часть "записанной" истории человечества. Спасибо Вам огромное за помощь и интерес.

**Зоя Поварчук.
Нью-Йорк.**

Уважаемые господа Рукман и Комаровский.

Мой папа Илья Поварчук сейчас сидит рядом со мной, но я попросила разрешения сама обратиться к вам со словами благодарности за вашу работу и также с моей личной просьбой.

Дело в том, что это я затеяла все эти поиски с единственной – каюсь – целью: собрать документальные подтверждения к воспоминаниям отца и впоследствии с помощью документов попытаться привлечь внимание моих рожденных в Америке внуков к истории семьи и предшествующих поколений. Поэтому моя главная просьба: если вы получили и еще получите документы на английском (список погибших в той катастрофе?), пожалуйста, отсканируйте и пришлите нам. Ведь это как раз то, что лучше всего послужит моей главной цели. И еще один вопрос. В августе папа посылал вам копию свидетельства о смерти Валентина Левина, которую разыскал мой сын. Я не нашла в папиной почте подтверждения о получении. Получили ли? Могу добыть у сына электронную копию самого свидетельства и сопроводительного письма о наличии архивной записи и послать вам еще раз.

Зоя Поварчук.

Поздравляю Игоря Комаровского с завершением работы – замечательной работы! Вы просто молодцы, ребята!

А ты, Леня, вне всяких похвал. Есть дело, а есть Миссия, Вот у тебя – второе.

**Ольга Шыницкая.
Москва.**

Леонид! Получила. Спасибо. И уже бросила в "ФБ" и "Одноклассники" для ванкуверских одесситов и не только...

**Обнимаю. Тана.
Ванкувер, Канада.**

Принято. Очень интересно. Вывесим на нашем сайте для широкого информирования.

**А. Кириченко.
Санкт-Петербург.**

Ленечка, привет!
Вы таки молодцы с твоим Комаровским, что провели такое расследование и еще опубликовали в канун Дня Победы! Такие люди, как Левин и его товарищи, заслуживают памяти! На сайте Элизабет-Сити нашел и статью Хэмптона, очень интересно. Там (и на связанном сайте) были еще дополнительные материалы (прикладываю на всякий случай: фото самолетов "Капитана" в воздухе и на поле аэропорта Элизабет-Сити, свидетельство о смерти члена экипажа самолета Левина, и карта транспортного происшествия самолетов через Южную Америку, Африку, Иран...).

Клубу одесситов – 5+.

**Юра.
Чикаго, США.**

Леня, привет!
Хорошо написан материал о Левине. Хотелось бы больше знать об этих летчиках, что на фотографии.

Может быть, сделаете Элизабет-Сити и Одессу городами-подручными.

Ведь они к тому же одного года рождения. В Элизабет-Сити, правда, только 18000 жителей. Это не Одесса.

**София Кичуридзе.
США.**

Добрый день, уважаемый Леонид!
Письмо Ваше получила, буду информировать членов пражского филиала ВКО и наших друзей об этих материалах, подготовленных ко Дню Победы! Спасибо!

**Елена Чепалова.
Прага.**

**АРКАША
Памяти А.Е.К.**

Этого человека я никогда ранее так не называла. Дело в том, что фамильярность по отношению к мужчине возраста твоего отца проявлять бессмысленно и дестактно. Иногда мне кажется, что я его вообще по имени не называла, не было нужды. Мы обращались друг к другу без имен, прекрасно обходясь местными именами "ты" и "вы". И, несмотря на разницу чисел во втором лице, были абсолютно равны. Именно это равенство, легкость, виртуозность нашего общения заставляли меня направляться на очередную чашечку кофе с корицей, хотя потребности в кофеине мой организм вовсе не испытывал.

В одну из наших последних встреч, когда мне хотелось поделиться новостями, я показала скорость его реакции на новизну и необычайной широте кругозора. Он уже был в курсе того, о чем я хотела рассказать. Хотя со стороны его будни казались простыми, непритязательными, даже немного однообразными и скучными.

Мы проживали абсолютно разные жизни, но при каждой встрече безупречно находили горячие точки информационного и эмоционального соприкосновения. Я бы даже сказала, полного единения.

Слушая его, я часто заслушивалась. Смотря на него – засматривалась. Сердце стонет. До сих пор мое сердце стонет в унисон с его... Уже за него... Теперь этот стон мне предстоит нести всю оставшуюся жизнь. Я согласна, лишь бы ему там стало легче... совсем легко.

У моего друга была врожденная способность превращать всё сложное и трудное в простое и бесцельное. Какую бы тему мы ни поднимали, она сопровождалась тихим спокойным смехом, а завершалась легкой ироничной улыбкой. Без тени сарказма. Без самоинения. Без горюхи.

Его любили все. Было невозможно не любить человека, который всем отдавал частичку своего сердца. Нас было много, а сердце только одно. Может показаться, что выслушать каждого вошедшего в твою жизнь, пережить вместе с ним мелкие, на первый взгляд, незначительные события – легко. Ведь мы их привыкли называть мелочами. Особенно если эти мелочи происходят в жизни других людей. Ему чужие мелочи были важны, нужны и ценны. Бесценны. Драгоценны. И мы себя чувствовали филиппинцами рядом с ним, поскольку его таланты ограничили не было равных.

Он был тем человеком, которому я была бы рада всегда, загляни он ко мне даже в три часа ночи. И я смею называть его Другом (с большой буквы), поскольку он никогда бы этого не сделал.

Это врожденное чувство такта, феноменальная способность сочувствовать, сопереживать не на словах, а реально помогая людям качественно проживать опущенное свыше время, были теми чертами характера моего друга, которые я бы хотела унаследовать не по кровному, а по духовному родству.

Этого человека я ранее так не называла. Ни в лицо, ни в беседе с кем-либо. Между нами всегда была дистанция. Самая близкая и надежная. Уважение.

И лишь теперь, когда его нет среди нас, когда никто из ныне здравствующих людей не сможет приревновать меня к нему или как-либо иным образом опомнить наши отношения, я впервые позволяю себе назвать моего друга Аркашей.

Анна Исакова.

Спасибо, Женя! Все замечательно, все вовремя, страница прекрасна, рисунки, фото – все, как надо, да и стихи хорошие! И просто отменная статья Тами Маркеловой, я не ожидал... А уж фотографии Ильи Тершберга – вообще чудо! Там дивный портрет Мирика Рихтера... и остальных. Вообще – отличный номер! Очень жаль, что по ряду причин я не смогу приехать в эти дни... Попробую уже выпить вина в иные дни и сроки.

Еще раз – всем спасибо! Также за то, что Одесса "своих" не забывает и не "сдает"... Привет "Зеленой лампе"...

Филиа.

Уважаемый Леонид.

В октябре прошлого года Вы оказали нам помощь при составлении отрисованного листа о деятельности вашей общественной организации и ответили на вопросы о политической ситуации и ситуации с безопасностью в Украине. На основании данных, полученных в ходе интервью, проведенных в Одессе и других городах Украины, где расположены полевые офисы ОБСЕ, Киевским штабом С.М.У. ОБСЕ был составлен тематический отчет по обзору гражданского общества и кризиса в Украине.

С.М.У. ОБСЕ хотела бы еще раз поблагодарить Вас за сотрудничество и значительное содействие при составлении отчета. Прилагаю текст отчета на английском языке, вскоре русская и украинская версии будут также доступны.

С уважением.

**Best wishes.
Natalia Igonova.**

Здравствуйте, Евгений!

Благодарю за альманах № 60. Если Вас не очень затруднит, отправьте мне 6 экз. и сообщите, сколько это стоило в долларах. Я тут же вышлю эту сумму на Ваш (или какой Вы хотите) адрес посредством "Western Union".

**Sincerely,
Mir Chernyakhovskiy.
Publisher
Mir Collection Publishing House.**

Здравствуйте, меня зовут Валентина Мадастов. У меня к вам вопрос по вашему видео о Вавеле, открытии памятника. Скажите, пожалуйста, где можно достать оригинальную копию этого видео? Знаю, что этот репортаж специально для Всемирного клуба одесситов делал телеканал "Одесса". Остались ли у них исходники?

Я живу в Лос-Анджелесе и работаю на студии "Warner Bros.", но в свободное время помогаю Дэвиду Новаку в его работе над фильмами. В 1993 году в Одессе проходил 11 Международный фестиваль еврейской музыки, и я подрабатывала переводчицей для американской группы, так я встретила Дэвида. Его команда занималась свечками документального фильма о Бродском сингаге. Транспарандежушка Дэвида был там кантоном – Дэвид Новаковский. Этот фильм еще не окончен, но если интересно, я вышлю Вам маленький клип.

А в 2014-м мы начали работу над документальным фильмом. "Finding Babel" будет просто потрясающий учебно-образовательный исторический фильм.

Сайт Дэвида Новака cinemastudies.sas.mpen.edu/people/DavidNovack.

Здравствуйте, подскажите, пожалуйста, куда я могу обратиться с запросом (в Одессе), чтобы мне нашли сведения о моем двоюродном брате.

Я хотела обратиться в адресное бюро (ул. Софиевская, 20), но прочитала, что нужно личное присутствие, а по почте справки не дают.

Мы переписывались до 2003 года. Моя тетушка Ушакова Ольга Панкратьевна (приблизительно 1929 – 1931 года рождения) с моим братом Ушаковым Владиславом (приблизительно 1957 – 1965 года рождения) проживали на Крымской улице, но потом обменяли квартиру и разъехались. Последние письма приходили от тети с адреса: ул. Бочарова, 21, кв. 67. На мое последнее письмо по этому адресу ответа не пришло. Знаю только, что они хотели еще раз поменять квартиру.

С уважением –

**Лариса.
Москва.**

Здравствуйте, ув. администрация сайта. Меня зовут Наталья. Я представляю международную благотворительную организацию – реабилитационный центр "Ступени": stupeni.org.

Возможности зарегистрироваться на сайте я не отыскала, а потому интересуюсь: ес-

ли можно добавиться на ваш сайт, как это можно сделать?

**Наталья Варкуева,
контент-менеджер
МБО "РЦ "Ступени".**

Спасибо, я с удовольствием ознакомлюсь с предлагаемым сайтом.

Вы делаете большое дело. Успехов Вам.

**Владимир Кравец.
Москва.**

Я сейчас в Вене – на "Евровидении". И в моем пребывании в Вене прекрасно то, что я буквально "разрываюсь" между классикой и современностью. Живу у одесской скрипачки, известной во всем мире – Доры Шварцберг. Одна лишь деталь – Ростропович любил ее игру, звонил и просил: "Дора, приди поиграй мне Баха". Муж Доры Иван Романов (имеет графский титул, между прочим) – он чтец, дирижер... Мы с ним, конечно же, не удержались и позвонили по скайпу в Берлин, там сейчас живет известная одесская легенда – дирижер Неля Харченко. За несколько минут я услышала массу замечательных историй. В частности, я рассказала Неле, что почему-то прекрасно понимаю немецкий. Неля спросила, говорили ли в семье на идише. И я вдруг вспомнила, как мой дед, прекрасно говорящий на идише, по ночам на транзисторе слушал записанную тогда "Немецкую волну". Я спала в той же комнате и впитывала во сне эту речь... После чего последовал шквал историй – Неля рассказывала про одесского барабанщика Тарика, который ездил в круизы и везде его все прекрасно понимали. В какой-то момент руководитель группы вызвал его и сказал: мол, Тарик, ты же человек без образования – откуда ты знаешь столько языков? "Я везде говорю на идише, и везде меня понимают", – ответил Тарик. В ответ граф Романов поведал о том, как у них в Вене гостила Турченко и рассказывала, как была влюблена в Марка Бернеса ("У меня есть фотография с Бернесом, а его интервьюировала", – поделилась Неля). И Турченко рассказывала историю, как встретились Марк Бернес и Мимель Легран. В какой-то момент они остались без переводчика. Постояли, посмотрели друг на друга в некотором недоумении. И один из-за безвыходного положения вздохнул "Азехен вэй". После чего они бойко стали общаться на идише...

Боже мой, я так никогда не пойду смотреть Вену.

**Сусанна Альперина.
Москва.**

Дорогой Рукман Леонид Менделевич. По-моему, с Вами в конце февраля (по книге Тубаря) говорил. Я планирую приехать около 01.06. Привезу свою книгу о Маас в Одессе. Вы найдете еще несколько экземпляров книги Тубаря?

С уважением –

**Wolfgang Sartor.
Германия.**

Уважаемый Леонид!
Конечно, "Новая почта" меня вполне устраивает. Я сейчас дома, в Минске. Вернусь в Киев в конце будущей недели и сразу напишу Вам номер отделения почты.

Кроме этих меня интересовали бы следующие позиции.

1. Семен Кессельман. "Стеклянные сны".
2. Сиринов, Тубарь. "Первые кладбища Одессы".
3. Валентин Камаев, Сергей Луцки. "Уже написан Вертер. Реальный комментарий".
Еще раз – спасибо, что откликнулись.
С уважением –

Александр Редута.

Я – филолог, кандидат филологических наук, журналист. Валентина сказала, что у вас может сохраниться некоторое количество книг В. Варны, Е. Зозули, В. Дорошевича, изданных под эгидой ВКО. Как можно было бы их купить? Я работаю в Киеве, аккредитован от белорусской газеты "Народная воля". Если можно передать туда книги оказией, я бы с удовольствием воспользовался этим.

**«Всемирные одесские новости» в сети Интернет:
www.odessitclub.org**

Сергей ГРИНЕВЕЦКИЙ

Страсти по "Порто-франко"

В последние месяцы в Одессе вновь бурлят политические страсти. Их накал, к счастью, не достиг уровня прошлого года, когда многомесячное противостояние Майдана и Анти-майдана вылилось в итоге в трагедию 2 мая.

В то же время — на фоне регулярных террористических актов, растущего социального недовольства, своеобразного вакуума власти в регионе — невинная, на первый взгляд, дискуссия о возможности создания в Одессе или Одесской области свободной экономической зоны "порто-франко" может послужить толчком к нагнетанию напряженности.

Тем более что прецеденты уже были, когда группа активистов Евромайдана сорвала "круглый стол", посвященный этой тематике. При этом вопрос крайне политизируется во многом благодаря, скажем так, некоторым весьма спорным новациям, которые были предложены народными депутатами Николаем Скориком, Вадимом Рабиновичем и Александром Пресманом в зарегистрированном ими законопроекте "О свободной (специальной) экономической зоне "Порто-франко".

По законопроекту было вынесено заключение Главного научно-экспертного управления Верховной Рады Украины, где отмечены все его недостатки. Но суть не в этом. За политическими спорами на задний план отошли собственно экономические вопросы целесообразности, необходимости и перспектив развития специальных (свободных) экономических зон в Украине. Как раз история СЭЗ "Порто-франко" в Одесском морском порту во многом показательна в плане непоследовательности украинских правительств — независимо от их политической окраски.

Почему идея "порто-франко" пользуется в Одессе такой популярностью? Да потому, что любой мало-мальски интересующийся историей своего города одессит знает, что эпоха бурного расцвета города и порта в первой половине XIX века связана как раз с режимом "порто-франко" (в переводе — "вольная гавань"). В целом режим действовал с 1819 по 1858 год, то есть без малого 40 лет. Правда, при этом забывают, что подобный же режим в Российской империи действовал в Батуми, Феодосии, Владивостоке, устьях Оби и Енисея.

Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что "порто-франко" был, по сути, буржуазным инструментом, с помощью которого в феодальной стране пытались решить вопросы развития новых территорий. При этом наряду с позитивом этот режим имел и негативные последствия. Об этом ярко свидетельствует переписка новороссийского генерал-губернатора Михаила Воронцова с министром финансов Российской империи Егором Канкриным в 1825 — 1826 гг.

К идее специальных экономических зон вернулись в 1990-х гг. уже в независимой Украине в условиях перехода от плановой к рыночной экономике, когда собственно рыночных механизмов практически не существовало и остро стоял вопрос привлечения иностранных инвестиций.

В октябре 1992 г. был принят Закон "Об основах создания и функционирования специальных (свободных) экономических зон". В самой Одессе 16 декабря 1990 г. по инициативе Одесского горисполкома даже прошел городской референдум о создании свободной экономической зоны. Был создан специальный комитет, деятельность которого, впрочем, не имела особого успеха. Существовало несколько проектов свободных экономических зон. Некоторые из них даже предполагали включение в СЭЗ территории всего города. Однако в итоге остановились на так называемых точечных свободных экономических зонах.

Основными предпосылками к созданию Одесской СЭЗ явились выгодное географическое расположение Одесского порта по отношению к внутренним и внешним рынкам, высокая степень технической оснащенности, развитая инфраструктура, большой научно-производственный потенциал, многолетний опыт осуществления внешних связей со многими странами мира, дух здорового предпринимательства, историческая открытость города и региона. Как человек, стоявший у истоков создания СЭЗ в Одесской области, помню, насколько сложно проходил этот процесс, сколько времени и сил ушло на то, чтобы убедить центр в необходимости этого шага.

23 марта 2000 г. Верховная Рада приняла Закон "О специальной (свободной) экономической зоне "Порто-франко" на территории Одесского морского торгового порта". Целями создания СЭЗ "Порто-франко" в Одесском морском торговом порту были

- совершенствование производственной структуры порта путем привлечения иностранного капитала, увеличение объема предоставляемых портом услуг мирового уровня;

- увеличение доходов местного и государственного бюджета;

- смягчение проблемы занятости трудоспособного населения, повышение профессиональной подготовки кадров, работающих в рыночных условиях;

- апробация на локальном уровне новых форм хозяйствования в условиях СЭЗ и распространение этого опыта на аналогичные зоны, создаваемые в других украинских портах.

Однако проблемы начались с самого начала функционирования СЭЗ. Таможенные службы категорически отказались выполнять положения Закона "О специальной (свободной) экономической зоне "Порто-франко" в отношении грузов и грузовладельцев, оставив право на льготы только за инвесторами. Это означало, что статус груза СЭЗ и освобождение от таможенных платежей получали только те грузы, которые предназначались для реализации утвержденных Одесской облгосадминистрацией инвестиционных проектов. Даже в этих условиях с 2001 по 2004 г. дирекция СЭЗ зарегистрировала пять инвестиционных проектов суммарной стоимостью 29,6 млн. долл. США.

СЭЗ "Порто-франко" является самой маленькой СЭЗ в Украине — свободных площадей для организации производств изначально имелось не более 4 гектаров. Это не помешало "Порто-франко" стать образцовой СЭЗ, не имеющей равных по эффективности привлечения инвестиций.

К сожалению, из-за недостатка территории не удалось реализовать инвестиционный проект японского концерна "Mitsubishi" по организации полного цикла производства электронной аппаратуры. Компании, по предварительной оценке менеджмента, требовалось не менее 32 га свободной площади одним "пятном". Несмотря на реальную возможность привлечения такого промышленного гиганта, правительственная поддержка в решении этого вопроса оказана не была.

Вместо содействия правительственные структуры, в первую очередь — Министерство финансов, постоянно пытались закрыть СЭЗ. Так, уже 26 августа 2002 г. распоряжением Кабмина № 124 был принят мораторий на создание новых СЭЗ и ТПР. 27 августа 2003 г. было принято распоряжение Кабмина № 1361, лишившее областные администрации права на утверждение инвестиционных проектов. С тех пор проекты утверждались Министерством экономики при условии положительного заключения профильного министерства, Минфина и Минпромполитики. Срок рассмотрения проектов увеличился до 4 месяцев, а региональные власти лишились прав на утверждение любых инвестпроектов, несмотря на их очевидную полезность и необходимость для региона. Сама идея СЭЗ как регионального проекта была дискредитирована, а процесс привлечения новых инвесторов был фактически остановлен.

Законом Украины "О государственном бюджете Украины на 2004 г." был принят мораторий на рассмотрение и утверждение новых инвестпроектов.

Итак, преференциальный режим в СЭЗ, гарантированный Украиной инвесторам минимум на 25 лет, просуществовал всего три года и пал под ударами чиновничьей бюрократии. Следует особо отметить, что общим и частным Законами о создании СЭЗ Украина гарантировала инвесторам предоставление пакета льгот даже в случае возможного изменения законодательства. Несмотря на это, Закон Украины № 2505 "О государственном бюджете на 2005 год", принятый 25.03.05 г., наложил мораторий на предоставление всех льгот.

Кроме того, была предпринята попытка отъема у инвесторов уже полученных льгот и ликвидации их бизнесов на территории Украины. Точка в отношении с отечественными и иностранными инвесторами была окончательно поставлена. Если создание свободных

го, промышленного и интеллектуального капитала для формирования новых конкурентных преимуществ Украины. У нас слишком сильны представления о том, что действующая в Евросоюзе и в целом на Западе система рыночной экономики исключает существование свободных экономических зон. Но практика показывает, что это очередной миф. В Литве действуют две свободные экономические зоны — в Клайпеде и Каунасе, в Польше — 14 СЭЗ. Понятно, что ни одна из них не включает в себя целые регионы или города. Это в массе своей "точечные" зоны, создаваемые на ограниченной площади.

Ярким примером использования такого инструмента, как СЭЗ, является соседняя Румыния, где действуют успешные СЭЗ в портах Галац и Констанца (Констанца-Южная). В то самое время, когда отменялись преференции для СЭЗ Одесского порта, порт Констанца успешно развивался. Например, в 2006 году Констанца переработала 1,037 млн. TEU. Только 25% этого количества контейнеров было с румынскими внешнеторговыми грузами. Остальные 75% оказались в румынском порту транзитом по пути в Россию, Грузию, Болгарию, Украину и обратно.

Вместе с тем понятно, что свободные экономические зоны не стоит идеализировать. При всех привлекательных сторонах они представляют собой только инструмент, которым надо уметь пользоваться. Так, наличие семи СЭЗ не избавило Республику Молдова от статуса беднейшей страны Европы. И сегодня специалисты сходятся на том, что молдавские свободные экономические зоны не выполнили задач, для которых вводились — создание рабочих мест, привлечение иностранных и местных инвестиций, рост объема производства промышленной продукции и стимуляция экспорта.

Тем не менее, несмотря на европейский и мировой опыт, правительства Украины, вне зависимости от политической ориентации, негативно относятся к такому инструменту, как СЭЗ.

После уже упомянутого "круглого стола" были подготовлены соответствующие рекомендации, которые были направлены в Кабинет Министров, профильные министерства и комитеты. Мною было вначале подготовлено обращение к Премьер-министру Николаю Азарову о возрождении СЭЗ "Порто-франко" в Одесском морском торговом порту, а также соответствующий законопроект, которым среди прочего предлагалось расширение территории СЭЗ за счет "полей фильтрации". Законопроект получил одобрение всех профильных комитетов и был рекомендован к рассмотрению в Верховной Раде.

Однако идея возрождения "порто-франко" в Одесском морском торговом порту тормозилась как со стороны правительства Азарова, так и со стороны правительства Яценюка. Причина такого подхода очевидна. Вне зависимости от того, идет ли речь о "новой региональной политике", о которой говорила предыдущая власть, или о "децентрализации", как сейчас, любое украинское правительство не желает передавать на региональный уровень экономические полномочия, а хочет само утверждать, решать и контролировать, что нужно для той или иной области.

Чрезмерная централизация стала одной из причин нынешней кризисной ситуации. Уверен, что если бы в прошлом году был принят соответствующий закон, возрождающий "порто-франко" в Одесском порту, мы не имели бы сегодня излишней политизации этого вопроса. Более того, получили бы инструмент, позволяющий привлечь в Украину реальные инвестиции, а также дополнительные грузопотоки. В условиях затяжного экономического кризиса Одесская область, да и Украина в целом, рискует потерять значительную часть своего потенциала, прежде всего — транзитного. Мы уже теряем в скорости, стоимости и надежности поставок, а значит, индекс логистической привлекательности стремится к нулю. Мало кто захочет инвестировать в страну, где идет война и есть угроза политической нестабильности, а самое главное — нет устоявшихся рыночных "правил игры".

Нынешний кризис открывает возможность перестроить украинскую экономику, сделать ее более мобильной, конкурентоспособной и эффективной. Для этого нужны новые инструменты. Возрождение или создание новых СЭЗ на принципиально новой основе может стать одним из них.

Светлана ЛАЗДИНА

Журнал "Америка" в моей жизни

Много воспоминаний в альманахе о том, что было в нашей жизни в родной Одессе. Особенно приятно читать о времени нашей молодости. Но вот почему-то ни разу никто не вспомнил о журнале "Америка". А его можно было купить в Одессе. Сама покупала в газетном киоске рядом с ж.-д. вокзалом.

Официально журнал "Америка" — это иллюстрированный ежемесячник на русском языке, который издавался Государственным департаментом США с 1956 по 1995 год. Всего было выпущено 454 номера. Распространялся в СССР по подписке, тираж — 50 тыс. экз., цена номера — 50 копеек.

Однако начали издавать журнал в 1946 году под названием "Америка". Иллюстрированный журнал, но Сталин быстро сообразил, что к чему, и в 1947 г. журнал был снят с распространения в СССР. Все же журнал продолжали печатать (адресом редакции был указан адрес посольства США в Москве, дата издания не указывалась, ставился только порядковый номер журнала) и раздавали бесплатно. Практически весь тираж журнала в СССР изымался и уничтожался, сохранялись лишь обязательные экземпляры для закрытых библиотек, руководства страны и МГБ. До 1956 года в таком режиме было выпущено 123 номера.

Хрущев разрешил распространять журнал "Америка" официально. Но Госдеп США настоятельно попросили начать нумерацию заново, с № 1 — чтобы избежать вопросов, почему сразу номер 124 и где предыдущие 123 номера. Заодно и название чуть скорректировали.

Журнал "Америка" — это единственное издание в СССР, из которого можно было узнать об Америке. На роскошных фото были запечатлены люди, выглядевшие тогда благополучными, прекрасно одетые, с неизменными улыбками. В статьях рассказывалось об их быте, проблемах, всяких увлечениях. Героями публикаций становились астронавты, политические деятели, предприниматели, ученые, школьники и студенты, художники, актеры и простые американцы. Необычно красивая одежда, дома, магазины и супермаркеты, машины, городской транспорт контрастировали с нашими дефицитами и бракованными вещами для населения.

Мы-то теперь в курсе, что это называется "глянец", но тогда секретари райкомов и обкомов, читавшие "Америку" и смотревшие на гляцевые картинки, думали, что так в США живут все, ну или почти все. И примеряли эту жизнь на себя. В общем, понятно, почему выросшие из секретарей райкомов до секретарей ЦК читатели этого журнала, в конце концов, развалили СССР. Это было немного предсказуемо, не правда ли?

В Москве у брата в 1959 г. в ноябрьском журнале "Америка" я читала о поездке Хрущева в США. Очень интересной была статья о молодом американском фермере-миллионере (при нашем тогда представлении о миллионере), на ферму которого привезли Хрущева после посещения фермы Гарста Росуэлла ("кукурузный друг" СССР с 1955 г.). Парень получил ферму в наследство от деда, выращивал кукурузу на 100 га. На ферме работали он, его брат, рабочий-тракторист и женщина-эконо-

мист, которая раз в месяц приезжала на ферму, выполнять и оформлять все необходимые действия и бумаги для банка. И только на сбор урожая нанимал бригаду с комбайнами. Хрущев спросил, есть ли у него девушка и какие дорогие подарки он ей дарит. Ответ обескуражил генсека. Девушка есть, денег на дорогие подарки у него нет, а когда собираются идти в кино, он берет в банке 10 долларов. А миллион его — это поля, урожай и его почти круглосуточная работа.

Я не знаю, откуда у киоскера возле ж.-д. вокзала появлялся этот журнал. До этого я видела этот журнал в Москве еще с 1958 г., иногда получала в подарок и привозила. А тут подошла к киоску купить газету, а киоскер, оглядев меня, спросил, хочу ли я красивый журнал, и даже не сказал, какой. Я согласилась и получила журнал "Америка", заплатила безропотно 2,50 руб. Тут же я получила предложение получить его ежемесячно. Как можно было отказаться? Внутри каждого журнала была цветная вкладка — фото знаменитостей: от политических деятелей до звезд кино и эстрады; магазинов модной одежды; прилавков супермаркетов; автомобилей и много другого. Статьи в журнале посвящались жизни простых американцев, их зарплатам, домам, автомобилям. Помню, очень впечатлил и обсуждался снимок, на котором был уборщик мусора во время работы — с часами на руке. Стены на даче были заклеены этими вкладками.

Но с этим журналом у меня связана еще одна история — личная. В 1962 г., в сентябре, у меня родился сыночек — Артур. До этого нужно было наблюдаться у районного врача-гинеколога. Женская консультация районная находилась в здании (трудно писать) храма Всех Скорбящих Радость, Церковь иконы Божьей Матери на ул. Базарной, 2. Здание было таким же бело-голубым, как сейчас, но сильно облупленным. Не могу передать чувство, с которым входила в это здание.

Недавно шла с внучкой и маленьким правнуком мимо этого храма и рассказала внучке о прошлом. Она остановилась, посмотрела на меня и сказала: "Ты шутишь, бабушка? Разве такое возможно?" Увы, было действительно. В какой-то степени этот разговор напомнил мне о многом, в том числе и о журнале "Америка".

Районным моим гинекологом был доктор Беленький (очень стыдно, но не могу вспомнить имя и отчество). Однажды я пришла к нему с журналом "Америка", он не поверил, что я его купила в киоске. Попросил почитать. В течение последующих пяти месяцев я дарила ему этот журнал. Он очень боялся, вдруг кто-то из персонала увидит. Поэтому я приносила журнал завернутым в газету и вручала ему после того, как он отсылал медсестру.

В журнале в 60-х часто рассказывалось о быте простых американцев. Часто можно было увидеть фото супермаркетов, где эти простые американцы покупают продукты. Или, например, рекомендации, как правильно разложить продукты в холодильники и морозильники как отдельных агрегатах. В наших магазинах тогда "общение" с продуктами было через прилавок и продавца. Мы фактически увидели подобный супермаркет в Одессе в конце 1996 г. на Троиц-

кой. А у нас в 1963 — 64 г.г. проблемно было купить молоко и не было в магазинах белого хлеба. Помню это потому, что моему маленькому сыну молоко доставалось так. Три раза в неделю на Тираспольскую площадь привозили бочку молока к 7 часам утра. Чтобы его купить ("достать"), родители или муж вставали в 05:00 и шли занять очередь, иначе молока могло не хватить. А булки и белые батоны раз в неделю нам передавали родственники из Москвы через проводников. Помните песню Кобзона!!!

Две радиостанции из Стамбула и Бухареста транслировали концерты как классической, так эстрадной музыки. Это была эпоха рок-н-ролла. Мы слышали имена исполнителей и дирижеров, название оркестров, джазовых коллективов, лауреатов международных конкурсов. Сегодня даже сложно представить, какой информационный вакуум был в этой области. А в журнале можно было найти их фотографии, почитать их истории, описание знаменитых концертных залов в разных городах Америки. Иметь цветные фото Мэрилин Монро, Элвиса Пресли, Чака Бери, Дайаны Росс, Рэя Чарльза, Джими Хендрикса, "Роллинг Стоунз", Дженис Джоуплин, Роя Орбисона, Джоан Бааз, "Битлз" и многих других кумиров. Было это тогда круто. Мы впитывали в себя эту информацию, эти имена, эти события.

Журнал открыл для нас мир американской классической музыки с её оркестрами, дирижерами, исполнителями, театрами и мюзиклами, такими выдающимися дирижёрами Америки как Бруно Вальтер, Юджин Орманди, Леонард Бернштейн, Сейжи Азава, музыкантами-исполнителями и др.

Сегодня есть Интернет и эту музыку можно слушать, а в те далекие времена журнал "Америка" был пропагандистом, а доставали пластинки и позже записи очень непросто, но слушали, восхищались, помнили и узнавали.

В журнале мы читали о выдающемся скрипаче-виртуозе — Исааке Стерне (Айзек Стерн), родившемся в Украине, его концертах, уникальной скрипке. А в октябре 1960 г. он дал единственный сольный концерт в Одессе. Билеты на концерт нам с мужем принесла наша соседка по коммунальной квартире — Софья Григорьевна Вайнштейн. Она работала в отделе культуры облисполкома. На концерт мы пошли вдвоем с ее дочкой Норой. Зал был настолько переполнен, особенно балкон, что трудно передать

Стерн играл Ференца Листа, сонату "Дьявольские трели" Джузеппе Тартини и др. Он не только играл, но и общался с публикой, иногда даже вставляя в свою речь русские слова. Концерт окончен. Зал стоя аплодировал и долго не отпускал. Мы стояли близко от сцены. И когда Исаак уже собрался уходить, его спросили: "Какое место, по вашему мнению, среди скрипачей мира занимает Давид Ойстрах?" Уходя, через плечо он ответил: "The second, after many others". Многие не поняли, что он сказал. У меня это вызвало чувство обиды, думаю, и у других, кто это услышал и понял.

Однажды в Москве 80-х в одном доме я оказалась с Игорем Ойстрахом, мы уже были знакомы. Мы разговаривали и вспоминали об Одессе, о концертах отца и вообще о музыкальной жизни Одессы. Я вспомнила и о концерте Исаака Стерна. На что Игорь возмутился: "Никакого концерта Стерна в Одессе не давал. Об этом нигде официально сведений нет, я лично знакомился со всеми его программами в СССР". Мне оставалось только сказать: "Я на этом концерте была". Возможно, брошенная через плечо фраза обидела не только меня. Видимо, это потому, что каждая звезда хочет быть самой яркой.

Последний журнал в киоске я купила в конце 1965 г., киоск убрали, куда — не смогла узнать. Дальше журнал из разных источников попадал в руки, но не так регулярно. И все-таки он был очень полезен. Благодаря журналу мы знакомы с мировыми новинками в разных областях жизни другого мира, который был для нас закрыт.

Кое-что из публикаций "Америки" не потеряло актуальности и теперь. К примеру, в 1974 году журнал делает ряд предсказаний на год 2000-й. Среди них и сбывшиеся: компьютеризация жизни, умение с помощью техники разгонять тучи, химическое и терапевтическое лечение рака, трансплантация жизненно важных органов.

Вспоминая и анализируя влияние журнала "Америка" на меня и мое окружение, понимаешь, что именно журналисты-виртуозы делали из этого журнала мощное пропагандистское оружие. Ведь по соглашению с советским правительством он был легальным журналом, а значит, на этот журнал распространялись практически те же самые ограничения, что и на любое советское издание.

Александр ДМИТРЕНКО

Настольные медали Одессы

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ, ЧАСТЬ ВТОРАЯ

(Начало в номере 1 (91), март 2015 г.)

Императорское общество сельского хозяйства Южной России

В письме от 6 января 1879 года Валериану Ивановичу Мазаракви — президенту Общества — князь Дабига перечисляет должностных лиц, которым он вручил медали, и резюмирует: "...Итого поднесено мною 2 большие серебряные медали, 10 серебряных медалей меньшего размера и 3 бронзовые медали. Единнадцатая серебряная медаль меньшего размера и одна бронзовая медаль, назначенные для меня Обществом, приняты мною с чувством глубочайшей признательности. За сим остается у меня одна бронзовая медаль, впредь до благоприятного ее помещения".

28 января 1879 года Общество получило известие, что золотая медаль в память 50-летнего юбилея Общества поднесена государю императору, 4 серебряные медали препровождены их императорским высочествам: государю наследнику цесаревичу и великим князьям Константину

Николаевичу, Николаю Николаевичу-старшему и Михаилу Николаевичу; пятая же серебряная медаль передана князю Дабиге для представления его высочеству князю Ольденбургскому.

В начале 1879 года получены еще 100 бронзовых медалей, и 24 мая 1879 года Департамент земледелия и сельской промышленности отправил в Одессу остальные 75 бронзовых медалей, с просьбой оплатить монетному двору за ныне препровождаемые — 81 руб.; за прежде доставленные: одну золотую — 657 руб. 80 коп., за 36 серебряных — 650 руб., за 175 бронзовых — 189 руб., за штемпеля для медалей — 250 руб., за футляр для слепков — 4 руб., а всего — 1831 руб. 80 коп.

Интересный документ найден в Государственном архиве Одесской области (Ф. 22) — расписка медальера С.-Петербургского монетного двора **Сергея Захаровича Важенина** о получении 6 февраля 1878 года от президента Общества 30 руб. за изготовление рисунков в память 50-летия Императорского общества сельского хозяйства Южной России, что, безусловно, доказывает авторство утвержденного 9 июня 1878 года рисунка нашей медали и ее исполнения в "боль-

Бронзовая "большая" медаль в память 50-летия Императорского общества сельского хозяйства Южной России.

шом" размере (диаметр 89 — 91 мм.). Граверами меньшей медали (55 — 56 мм.) были медальеры П. Мещеряков и В. Никонов. И в том, и в другом случаях медальеры оставили свои монограммы на медалях:

С. В. / С. Важенин — большая золотая, серебряная, бронзовая — Смирнов 777/а; Дьяков 849,1; Букатина 54,1; Корченев 4;

П. М. / В. Никон. р. — малая серебряная — Смирнов 777/б, Дьяков 849,2.

Махаил ГАУЗНЕР Не снижаться!

Маршал авиации Новиков был рассержен не на шутку: "Боевые офицеры, а ведут себя, как мальчишки! Ухарство своё показывают, в героев играют! Небось мечтают, как Чкалов, под мостами пролетать? Мой приказ, видите ли, для них не обязателен! А ведь рискуют не только собой и экипажем, но и самолётом! За такие безобразия не награждать надо, а званий лишать!"

Командующий ВВС Красной Армии, обычно по-военному сдержанный, бушевал не зря. Дело в том, что доказательством результатов бомбометания и огневого поражения были только качественные аэрофотоснимки. На их основании оценивали выполнение боевой задачи и, поощряя лётчиков, представляли к правительственным наградам. Стремясь их получить, пилоты увлекались и слишком неосмотрительно снижались, попадая под прицельный огонь немецких зениток. Молодые, заводные, амбициозные парни в азарте боя не всегда отдавали себе отчёт, что это — игра со смертью. "Всего на несколько сотен метров ниже — и получи чёткий снимок, который обеспечит мне боевой орден, очередное звание. Так и Героем можно стать! Рискну! Где наша не пропадала!" Поэтому в последние месяцы увеличилось количество бомбардировщиков и штурмовиков, сбитых немцами, и Новиков издал приказ, категорически запрещающий нарушать минимальную высоту полёта.

Недавно Верховный по телефону сказал ему: "Товарищ Новиков, много самолётов теряете. Мы в Ставке этим очень недовольны. Не исправите положение — будем делать выводы". Маршал хорошо знал, что могло последовать за такими словами Сталина, об этом даже думать не хотелось. Поэтому он

резко сказал стоящему перед ним полковнику Семёнову: "Вместо представления этих лётчиков к награде подготовьте приказ об их наказании. Отстранить от полётов, а сделавших наиболее чёткие снимки разжаловать, чтобы отбить охоту так снижаться! Приказ огласить во всех эскадрильях".

"Разрешите доложить! — сказал Семёнов. — На самолётах этой эскадрильи установлены новые экспериментальные аэрофотоаппараты. Высотомеры самолётов опломбированы НИИ ВВС. Съёмка производилась не ниже разрешённой высоты, а иногда и намного выше, это зафиксировано в отчёте об испытании аппаратов. В штабе эти данные проверены".

"Так что же получается? Новые аппараты позволяют оставаться на высотах, где поражение самолётов зенитками менее вероятно, и при этом можно получать более качественные снимки? А ведь тогда и воздушная разведка будет давать нам больше информации. Полковник, это же замечательно!"

Настроение маршала сразу улучшилось, он встал из-за стола, и на его усталом лице впервые за долгий день появилась довольная улыбка. "Какие молодцы заводчане! Где сотворили эти аппараты?"

"На заводе Наркомата вооружения № 356 в Свердловске".

"Подготовьте от имени ВВС представление о награждении создателей аппаратов. Пусть будут и боевые ордена — неважно, что формально не положено, они это заслужили. Персональный состав согласуйте с Наркоматом вооружения. Проследите, чтобы штабисты не затянули оформление испытаний — нужно как можно скорее наладить изготовление аппаратов, они нам необходимы. И под-

готовьте от моего имени благодарность заводу, я подпишу вместе с представлением к наградам".

А в это время в Свердловске шла привычная работа в две смены по 12 часов. Напряжение предыдущих месяцев, вызванное завершением исследований и изготовлением опытной партии аэрофотоаппаратов, сменилось другим, не менее серьёзным — надо было без промедления осваивать их серийное производство. Ежедневно возникали новые проблемы, требующие немедленного решения. При необходимости люди работали сутками, иногда падая от усталости, но с завода не уходили.

Все, от директора и главного инженера до мастера и рабочего, понимали, что каждый потерянный день — это не только больше сбитых наших самолётов, но и недополучение командованием ценнейших данных воздушной разведки, а значит — меньше немецких эшелонов с танками, орудиями, боеприпасами будет уничтожено, больше наших солдат и офицеров погибнет, позже придёт долгожданная победа. Ведь практически у всех на фронте были родные и друзья.

Александр Александрович Новиков сдержал своё обещание, о котором, естественно, никто на заводе не знал. Группа работников завода получила правительственные награды, в том числе некоторые — орден Отечественной войны. По статуту этого ордена тогда им награждались за особые, конкретно перечисленные боевые заслуги только участники боевых действий, и лишь через 40 лет после окончания войны его получили все оставшиеся в живых ветераны. Главный инженер завода одессит Яков Давидович Гаузнер был награждён в 1944 г. орденом Отечественной войны I степени.

...Передо мной на столе стоит ящик из светлого дерева — одна из немногих релик-

Яков Давидович Гаузнер

вий, напоминающих мне об отце. Это набор для дешифрирования аэрофотоснимков. Отвращаю крючки-фиксаторы и открываю крышку. В специальных гнездах, выложенных потёртой зелёной фланелью, лежат три лупы: большая с поворотной ручкой, двукратная; средняя, внутри складного трёхзвенного штатива, четырёхкратная (её ставят прямо на снимок); маленькая десятикратная, снабжённая измерительной шкалой с расстоянием между штрихами 1/10 мм (с её помощью определяются размеры объекта на снимке). Каждый аэрофотоаппарат из тех, о которых шла речь в этом рассказе, оснащался таким набором. Я представил, как в штабе авиаполка с его помощью изучался результат полёта, связанного с риском для жизни лётчиков, и какие добрые слова говорились в адрес создателей аппаратов, среди которых не последнее место занимал мой отец. Светлая ему память!

Ида ГРОССМАН Война глазами десятилетней девочки

Когда началась война, мне было 10 лет. Жили мы в городе Кривой Рог. Помню, как моя мамочка авторитетно заявила: "Такой промышленный город, как Кривой Рог, Сталин не отдаст немцам. На две недельки мы должны будем уехать". "Так, значит, уехать, — подумала я. — А как же мои цветы? Они ведь засохнут". И стала примерять, как же взять их с собой. В качестве тары взяла портфель. "А несколько цветов возьму в руки", — решила я. Но когда после прогулки пришла домой, увидела, что мама выбросила из портфеля мои цветы, а вместо них положила трусы, майки — мои и брата. Я посчитала этот поступок ущемлением моих прав. Все вытащила из портфеля, положив туда мулине. В 10 лет я кроме цветов любила рукоделие. Моя тетя Лиза, врач по специальности, большая рукодельница, принесла мне это мулине со словами: "Идочка, ты вышивай, а я буду воевать". С первых дней войны она была уже на фронте.

И вот мы в товарном поезде, едем в неизвестном направлении.

19 сентября моя мамочка меня разбудила со словами: "Ну что, Ида, собирай друзей, будем твой день рождения праздновать". Я посмотрела, что на импровизированном столе лежит горячая картошка, еще кое-что, что она смогла купить на останков. Я говорю: "А как же мы будем картошку есть? У нас ведь нет сливочного масла". Все стали смеяться. Ох, эти взрослые. Не всегда поймешь причину их смеха.

По дороге нас часто бомбили. Объявляли: "Тревога!" — и все выбегали из вагона. Я научилась определять по звуку, чей самолет летит. Как-то после объявленной тревоги я говорю: "Да это наши самолеты летят". На меня все зашикали, а я оказалась права.

И вот мы приехали на станцию "Дивная" Краснодарского края. "Всё, — сказали, — дальше не поедет". Перрон буквально весь был засыпан пшеницей, которую никто не убирал. Как видно, до нас тут был разбомблен эшелон, наполненный ею, который отпирался в тыл.

Поселили нас в школе.

Через некоторое время бомбежки участились. Всех взрослых отправили рыть окопы, детей же — на подсобное хозяйство. Подъехала телега, запряженная быками, и мы отправились. Мальчишка постарше был за возчика. Отъехав пару километров от станции, наши быки легли и ни за что не хотели вставать. Лежат невозмутимо и жуют свою жвачку. Не помню уж, сколько они прохлаждались, но все уже очень проголодались, а сдвинуть с места упрямую животину никто не мог. Вдруг видим: идет мальчишка, маленький, лет семи — мужичок с ноготок, но с кнутом. Он подошел к быкам, хлестнул кнутом и как заматерится... быки встали и шли без остановки до самого подсобного хозяйства.

Участились бомбежки, и нужно было ехать в тыл. Дальнейший наш путь был на лошадаж, запряженных в телеги. Мы ехали в одной подводе с семьей, у которой был маленький мальчик лет двух — трех. Днем мы ехали, а ночью останавливались в каком-то селении на ночлег. И вот этот мальчик, целый день смотрящий лошадам под хвост, утром, когда мы просыпались, выдавал: "Кони-кони какали?" И кто-то из хохмачей говорил: "От Советского информбюро". Все смеялись.

Стало холодно. Мы остановились в калмыцком селе Яшулку. В такой глуши была русская школа, и я пошла в четвертый класс. Помню, идя утром в школу — темень, страшно, а в село иногда забегали волки. Каждый хозяин держал больших собак — волкодавов, которые так же выли, как волки, только их вой заканчивался лаем. Вот услышала после воя "гав-гав" — бегу дальше. Зато в школе было тепло, а в землянке, где мы жили, совсем холодно.

Калмыки тогда были в этом селе совсем дикими. Никаких хлебов или сараев для овец, коров и верблюдов у них не было. Они не купались, не стирали и жевали табак. Зимой носили зимний халат, летом — летний. Часто посещали они наш дом. Сядет в углу комнаты и спрашивает: "Тямке бене?" — "Табак есть?" А сам жуёт этот табак и без конца плюет на противоположную стенку. С приходом весны они снимали зимний халат и надевали летний, а зимний выносили во двор и дубинкой били вшей — это которые были чистюлями.

Весной вся степь покрывалась тюльпанами, красными и желтыми — красота. И вот мы с подружкой пошли гулять в степь и забрели далеко, где находилось калмыцкое кладбище. Покойники они просто вывозили в саване в степь, не предавая земле. Мы так мчались назад... мимо проскочил сайгак, и кто кого больше напугал — неизвестно.

В мае мы поехали дальше к Астрахани. Стало очень жарко, мы изнывали от жары и жажды. Смотрим — на горизонте появилось огромное стадо. Чем ближе мы подъезжали, тем сильнее был смрад. Оказалось, огромное стадо коров погнало через соленые озера Эльтон и Баскунчак, животные пили соленую воду и на ходу околевали. Это зрелище у меня осталось в памяти на всю жизнь. Не помню, сколько мы ехали до Астрахани, но Волгу с ее чистой водой, в которой можно было выкупаться и напиться, помню. Еще не забыть астраханскую сельдь — заломы и полузалома, которыми изо дня в день мы питались.

Остановились в Астрахани просто под забором, как цыгане.

В тот день, когда мы приехали, была первая бомбежка. Бомба попала в нефтяную баржу. Столб черного дыма стоял несколько дней, даже когда мы были уже далеко от Астрахани.

Теперь, с высоты прожитых лет, я понимаю, как у немцев было все предусмотрено, чтобы в тыл ничего ценного не дошло. Это и пшеница, и скот, и нефть... вот мы и голодали.

Итак, мы на Урале, в Свердловской области, город Сухой Лог. Что интересно, все жители этого села были Быковы. И как учитель истории нам объяснил, в древние времена тут жили идолопоклонники, которые поклонялись быку.

Мне уже было 12 лет, и мне все было интересно. И даже отсутствие комфортных условий не останавливало мою тягу к знаниям — делаю уроки, вместо настольной лампы мы использовали деревянные лучины.

Говорили на Урале на русском языке, но было очень много слов непонятных. Такие слова можно встретить в произведениях Максима Горького. Лопатина — куртка, пимы — валенки, канава — забор, ведро — хорошая погода...

Пока было тепло, я ходила в школу. С наступлением холода — нет, т. к. не было теплой одежды.

Какое-то время мы жили у хозяйки. Позже для эвакуированных деревообделочный комбинат построил барак, куда мы и переехали. На этом комбинате и родители мои работали (у отца был белый билет, поскольку еще где-то в 1910 году, работая на шахте в г. Горловка, получил серьезные травмы). Барак был построен из сырых досок, было слышно и видно все в третью комнату. Но это не самое страш-

ное. Страшно было, что мы голодали. За стеной у нас умирала молодая женщина от туберкулеза. У нее не было ни лекарств, ни должного питания.

Бывало, соберется детвора в так называемом холле, и все разговоры вертелись вокруг еды. Помню, как мой брат, у которого была дистрофия, говорил: "Вот я был глупый до войны — меня заставляли есть, а я не хотел".

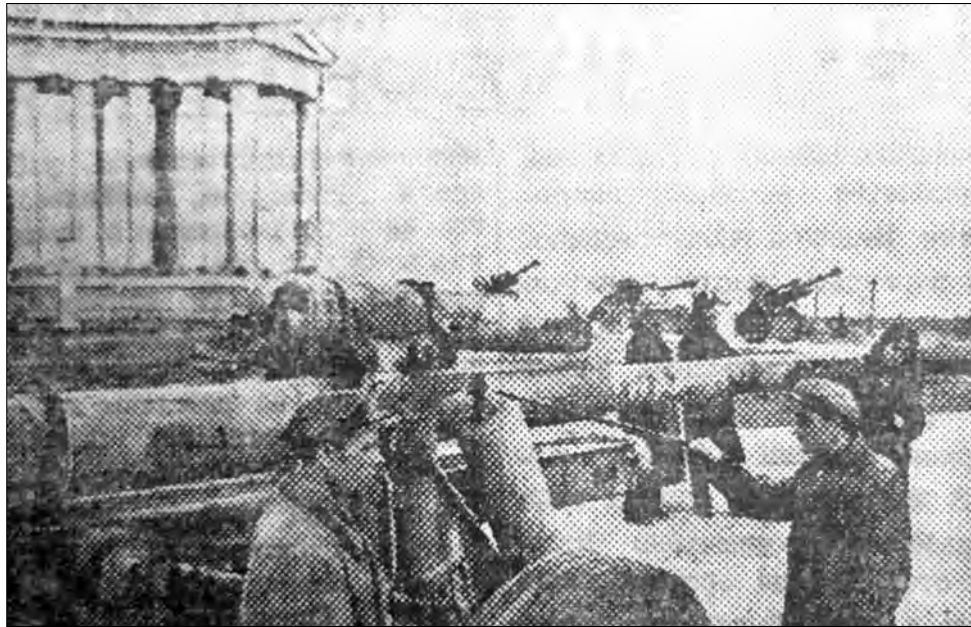
Через время отец устроился на работу в Одесское артучилище, которое было эвакуировано в Сухой Лог. Нам дали комнату, куда мы и переехали. И только тогда мы перестали голодать. Правда, ночью в нашу комнату приходили огромные крысы...

Наши окна выходили на свалку. Туда приходил мальчик, опухший от голода. Когда я в первый раз наелась хлеба, я зажала кусочек в руке и принесла ему. В дальнейшем, что бы нам мама ни оставляла, часть мы выносили ему. Прошло 70 лет с той поры, а этот мальчик и сейчас стоит у меня перед глазами.

В конце 1944 года Одесское артиллерийское училище вернулось в родные стены. Так и мы стали одесситами. Помню, проехали границу Украины, которая нас встретила белыми хатками, а детвора приветствовала нашу "неньку" криками "ура".

На этой радостной ноте хочу закончить свое повествование.

Всякое потом еще было в Одессе, но это уже другая история.

Трофейное вооружение, подбитое защитниками Одессы, снимок из газеты, фотограф В. Залесский, 1945 г. Фото предоставлено проектом "Старая Одесса в фотографиях", old.odessa.ua.

Михаил ПОЙЗНЕР

"У меня остались в Одессе отец и мать..."

Зачастую с недоверием воспринимаешь информацию о том, что у какой-то очередной знаменитости неожиданно обнаруживаются одесские корни. В данном случае — никаких неожиданностей: известный советский поэт и публицист Всеволод Борисович Азаров — коренной одессит, родился в Одессе в 1913 г.

Как отмечал Ростислав Александров в очерках "Давний свет" (2013 г.): "Всеволод Азаров писал о Пушкинской, потому что родился в доме Шполянского (ул. Пушкинская, 34, — М. П.), впервые прочитал там стихи того, чьим именем названа улица, и зарифмовал свои первые строки. Отсюда он в 1930-х гг. подался в Ленинград".

В 1934 г. Всеволод Азаров окончил литературный факультет Ленинградского института истории, философии и лингвистики. Поэтическому творчеству учился у Николая Тихонова, Всеволода Рождественского, Александра Прокофьева.

В годы войны Всеволод Азаров был фронтовым корреспондентом, постоянно находился в различных соединениях Балтийского флота, участвовал в снятии блокады Ленинграда, освобождал Эстонию, Восточную Пруссию.

Примечательно, что Всеволод Азаров совместно с известными драматургами Александром Кроном и Всеволодом Вишневским создали героическую комедию "Раскинулось море широко", которая была поставлена

"7 ноября 1942 г. (!) в осажденном Ленинграде (!!!).

Всеволод Азаров много писал о море, благодарной человеческой памяти, успешно занимался переводами. Вся его жизнь была связана с Одессой и Ленинградом. В сборнике стихов "У двух морей" (1947 г.) он признавался:

...Я был во многих городах,
В степях и у карпатских взгорий,
Но жизнь моя на двух морях:
На Балтике, на Чёрном море...

Всё же при этом:
Одесса! Ты передо мной,
Сирень, акация в ограде.
По плитам стертой мостовой,
Как по линованной тетради,

Я в парк Шевченковский войду.
Дубы. Знакомая колонна.
Полуразрушенный редут.
Прибрежье, плиты Ланжерона...

Всеволод Азаров часто писал в Одессу, часто общался с одесскими друзьями, вспоминая годы "нашей ласковой юности, солнцем одесским согретой...". Однако в моей одес-

ской коллекции хранится его не совсем обычное письмо... Хранится наряду с военной перепиской 1941 — 45 гг., фронтовыми письмами одесситов, одесской почтой "из эвакуации и в эвакуацию". Это письмо в только-только освобожденную Одессу (11 апреля 1944 г.) — редактору газеты "Черноморская коммуна", или "Большевистское знамя" — с просьбой разыскать родителей, оставшихся в оккупации. Сам текст письма комментировать бессмысленно — скучные строки, переполненные хрупкой надеждой...

Трагическое письмо с риторическими вопросами...

Даже сегодня с болью воспринимаешь строки Всеволода Азарова об Одессе, о родителях, о ещё вчерашней мирной жизни. О том, чему так и не суждено было сбыться...

...Я вспоминаю город мой родной
И снова отдираю бинт от раны...
Отец и мать... Хотелось с детства мне,
Чтобы родных года не изменяли,
Чтоб трепетало солнце на волне,
Чтоб птицы гнезд своих не покидали.
Акации цветут
Из года в год
Под окнами у нас и у ворот.
И улица всё та же, небо то же...

Представлялось — вот-вот окончится война, ты снова в любимой Одессе:

...И море выбежит встречать,
Мониста синих брызг роняя,
Здесь у меня отец, и мать,
И брат, и вся земля родная...

Увы! У войны свои законы. Родители погибли в гетто.

Одесса осиротела... Вот так, "снова отдирая бинт от раны", Всеволод Азаров предчувствовал:

...Приду домой — я знаю: дома нет,
Там только отсвет пламени над степью.
Акации ищут — лишь тень и пепел.
Кричу: отец! — молчание в ответ...

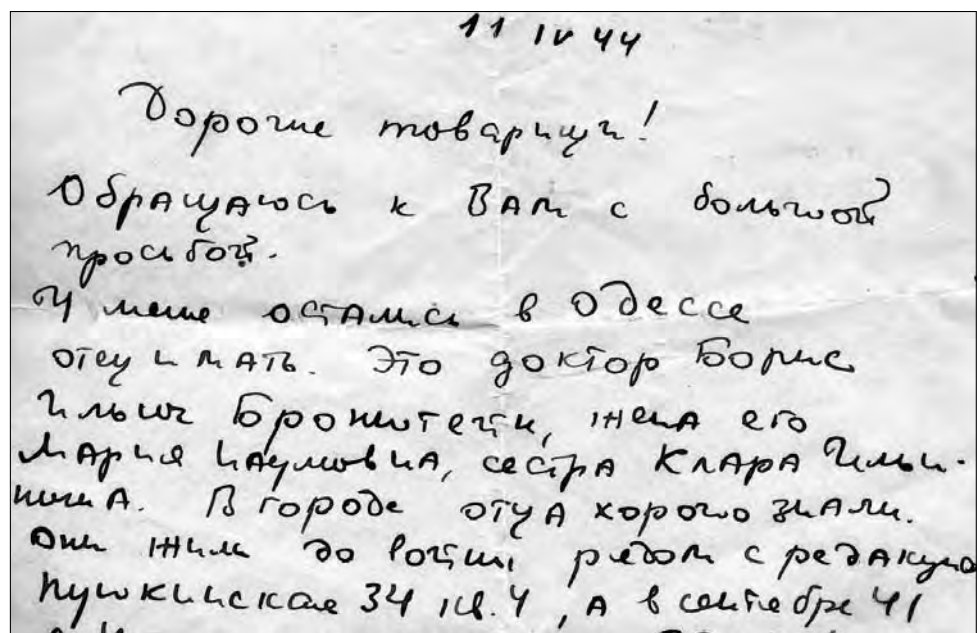
Время лечит далеко не всех...

Как писал Ростислав Александров в упомянутом "Давнем свете": "...Наезжая в Одессу, всегда заходил (Всеволод Азаров, — М. П.) в свой двор, но никогда не поднимался в квартиру, опустевшую после той страшной войны. В промежутках между приездами я (Ростислав Александров, — М. П.) отправлял ему в конверте вызолоченный осенью лист могучего платана, что когда-то касался своими ветками балкона его отцовской квартиры, а с годами вымахал выше крыши дома Шполянского. Потом отправлять стало некому..."

Умер Всеволод Азаров в 1990 г., похоронен в Комарово, под Ленинградом, на поселковом кладбище. На могильной плите начертано:

...Наступит день, и я приду сюда
На отдых после долгого труда.
Вам поклонюсь
И не расстанусь с Вами...

Мир его праху...
Мир праху его родителей...

Дом Шполянского, ул. Пушкинская, 34

Наталья БРЖЕСТОВСКАЯ

Ее роман с театром

В последний день ушедшей зимы в далекой немецкой Саксонии, в городе Лейпциг, завершила свой долгий земной путь одна замечательная женщина, история жизни которой, очевидно, заслуживает доброй памяти одесситов.

Судьба отпустила ей на все про все щедро и с избытком — 96 лет. Но быть просто долгожителем — невелика заслуга: хорошие гены, или так звезды сошлись. А вот прожить ярко, интересно, оставить после себя добрый след и теплые чувства у множества людей, с которыми довелось соприкоснуться, работать, общаться и дружить, — это дорогого стоит.

Скажу сразу: мне, к сожалению, не довелось близко знать Марию Каменецкую. Хотя, как оказалось, около года до ее отъезда в Германию мы жили рядом на одной улице.

А вот сейчас перелистывая страницы жизни Марии Исаевны, слушаю рассказы о ней ее современников, вглядываясь в пожелтевшие фотографии — и не устаю удивляться и восхищаться ею: сколько успеха, как красиво и достойно прожила жизнь, до последнего дня.

А главным делом жизни для Марии Каменецкой был Театр, который она любила с раннего детства. Каким праздником был каждый поход с мамой в Театральный переулок, сколько радости и волшебства он дарил! По широкой лестнице они спешили на детские постановки в Одесский театр оперы и балета. А напротив в ту пору помещался ТЮЗ, любимый театр одесской детворы. Замирая всякий раз от увиденного, маленькая Маша и не помышляла, что пройдет время — и она сама будет ставить в этом театре спектакли. А в те годы после каждой постановки девочка, собрав в родном дворе ребятшек, разыгрывала по памяти увиденное на сцене зрелище. Зрители этих представлений: соседи, мамы, папы, бабушки юных дарований — были снисходительны и награждали маленьких "артистов" дружными аплодисментами.

Маша росла и верила, что ей выпал в жизни счастливый билет. И в самом деле, это ли не удача: еврейская девочка из одесской рабочей семьи в 15 лет сидела в ложе для гостей Колонного зала Дома Союзов на I Всесоюзном съезде писателей в 1934 году, читала со сцены стихи и была обласкана самим Максимом Горьким. Она училась в одном классе с будущими прославленными артистами эстрады Юрием Тимошенко и Ефимом Березиным, известными как Таралунька и Штетсель. Ей довелось встречаться и тесно общаться с интереснейшими людьми: прославленными челюскинцами, участниками ледового плавания, Самуилом Маршаком, Фаиной Раневской, Леонидом Утесовым, Аркадием Райкиным...

Но какими грозными были годы, в которые ей довелось взростеть и жить. Судите сами: третий, младший ребенок в семье, Мария родилась в Одессе в страшном 1919-м, когда дули глухие ветры революции и власть то и дело менялась. Девочкой пережила гражданскую войну и голод. Совершеннолетие пришлось на страшный 1937-й, разгар репрессий. А театральное образование получала в Киеве перед войной. Путевку в жизнь Марии дала и благословила на режиссуру великая украинская актриса Лидия Мациевская.

Ей исполнилось 22, когда началась война. Первый муж Марии Исаевны, с которым они были женаты всего шесть месяцев, ушел на фронт и погиб в первых же боях. Сама она участвовала во фронтовых концертных бригадах, выступала в госпиталях. Кстати, после войны ежегодно 9 мая приезжала на могилу

мужа, будучи уже давно замужем вторично.

Когда наступила очередь мирных будней, Мария Каменецкая с головой ушла в работу, о которой мечтала с детства. Первые самостоятельные шаги в режиссуре делала в Одесском театре Красной армии, до тех пор, пока высоким партийным чиновникам, руководившим культурой, не пришла в голову мысль по идеологическим причинам помянуть одесский и львовский театры местами. Театр Красной армии из Одессы отправился в Западную Украину. А к нам перевели труппу театра музыкальной комедии из Львова, во главе с Михаилом Водняным.

Так Марии Исаевне неожиданно пришлось на время уехать из родного города, став режиссером львовского театра. Там наряду с основной работой она возглавила театральную студию Львовского дворца пионеров, сотрудничала со львовским телевидением.

Известный театральный режиссер — Народный артист Украины уроженец Львова Роман Виктюк — ученик Марии Каменецкой. Долгие годы, находясь вдаль, они поддерживали связь, переписывались, созванивались. Будучи на гастролях в Германии, он непременно встречался с Марией Исаевной, присылал за ней машину, неизменно оставляя ей лучшее место в первом ряду. А под занавес непременно объявлял всему аплодирующему залу, что здесь присутствует его педагог, его Мастер, Мария Исаевна Каменецкая, и дарил ей лучший из букетов, подаренных ему зрителями.

В последний раз Роман Григорьевич позвонил в день ее рождения, 29 января 2015 года. Беседа, как всегда, была долгой... Когда спустя месяц ему сообщили грустную весть, он не мог подобрать слов, осознать, выразить всего, что чувствовал.

Во Львове Мария Исаевна состоялась как режиссер, вкусила радость успеха. Но интересная творческая работа, ученики не могли долго удерживать Марию Исаевну вдаль от родного города. И она возвращается в Одессу, устраивается режиссером Одесского театра юного зрителя и окунается с головой в работу.

Из воспоминаний М. Каменецкой:

— Для меня режиссура всегда была лучшей и самой трудной профессией в мире, ведь режиссер должен прикасаться к ранимой человеческой душе. Приступая к работе над каждым своим спектаклем, я испытывала огромную душевную радость, будь то инсценировка повести Катаева "Белеет парус одинокий", трагикомедии Габриэлы Запольской "Мораль пани Дульской", десятки других спектаклей.

Она была не только театральным и телевизионным режиссером, но и прекрасным педагогом, театральным критиком. Творческие успехи Марии Исаевны не остались незамеченными. Её много и охотно стали приглашать ставить спектакли в другие театры Одессы. Ее плотный рабочий график был распisan по минутам: выступления, гастроли, концерты, постановки, репетиции. В разные годы она проработала в Украинском музыкально-драматическом и Русском драматическом театрах. Каменецкая любила работать с актерами, и у нее это получалось. А еще прозорливо определяла актерский талант в детях, став организатором детской театральной студии во Дворце пионеров.

Долгие годы Мария Исаевна растила и пес-товала творческие кадры для театров, преподавая в Одесском театрально-художественном училище, умела дружить со студентами.

Известный режиссер и педагог Аркадий Кац, окончивший актерское отделение этого училища, с гордостью называл себя учеником Марии Каменецкой. Тому свидетельство — его книга, которую он подписал Марии Исаевне: "Эта книга — часть того, что Вы вложили в меня, и я еще и еще хочу поблагодарить Судьбу за встречу с Вами..."

Известная актриса Одесского ТЮЗа Валентина Губская вспоминает:

— Она была хорошим педагогом и очень волевым человеком. Работать с ней было очень интересно, в процессе работы над ролью она могла извлечь из актера даже то, о чем он не догадывался.

Валентине Губской довелось работать с Марией Исаевной не только в театре, но и на одесском телевидении. Вместе они сделали пять спектаклей, с десятком литературных композиций. Телевидение стало особой вехой в творческой биографии Марии Каменецкой.

Мэтр одесского телевидения, в прошлом — главный звуорежиссер, Евгений Никитенко вспоминает:

— Опытный театральный режиссер Мария Каменецкая пришла на телевидение в начале 70-х. Технические возможности ТВ были еще

скромны, но энтузиазм огромен. Работа с Марией Исаевной, режиссером литературно-драматической редакции, была и учебой, и радостью, и профессиональным шагом вперед. Какие интересные передачи мы делали сообща! Старшее поколение одесситов, думаю, помнит цикл юмористически-развлекательных программ "Таранька", аналог "13 стульев", "наш ответ Чемберлену", в которой принимали участие прекрасные одесские актеры. Мы готовили телепередачи и на весь Союз: Одесса задних никогда не пасла. По заказу ЦТ делали праздничные "Огоньки", программы "Проспект молодости", "А ну-ка, девушки!", КВН, записи музыкальных программ, органных концертов, оперных спектаклей. В этом была немалая заслуга и Марии Каменецкой, с которой мне посчастливилось не только работать бок о бок, но и дружить.

В 60 — 80-х годах не было в Одессе человека творческой профессии, в театральной среде, кто бы не знал Марию Каменецкую. Она умело работала с одесскими писателями, поэтами, актерами. В ходу была такая фраза: "Ты бы поработал с Марией Исаевной". Это значило: "Тебе следует пройти профессиональную школу Каменецкой".

Ирина Васильевна Швед, ветеран одесского телевидения, Заслуженный деятель искусств Украины:

— Встреча с Марией Исаевной была подарком судьбы. Я пришла на ТВ сразу после университета, начинала с помощника режиссера детской редакции. А она уже была мэтром и отслеживала мой старт, опекала, внушала уверенность, что у меня все непременно получится, писала статьи в газеты о первых творческих удачах. И во многом благодаря Марии Исаевне я стала опытным режиссером-постановщиком музыкальной редакции, автором музыкальных и развлекательных программ. Она была профессионалом, очень требовательным, цельным, принципиальным человеком, для которого работа была прежде всего. Дурака валять с ней было невозможно.

В 80 — 90-е годы на пике популярности были театральные капустники. Они шли к праздникам, юбилеям и непременно на Старый Новый год, шли неоднократно — Дом актера не мог вместить всех желающих. Ставили их и писали к ним сценарии Даниил Шац и Мария Каменецкая. В ту пору одесское отделение Союза театральных деятелей находилось в помещении Дома актера, директором была Светлана Деменов:

— Это были праздники души и сердца, в которых блистали наши "гусары", как мы их называли: Семен Крупник, Анатолий Капустин, Анатолий Дуда, Николай Завгородний, Сергей Тищенко, Богдан Чуфус. Помню, как Мария Исаевна вела занятия по актерскому мастерству и репетиции, которые часто затягивались до глубокой ночи.

А вот капустник к ее 80-летию юбилею готовили сами артисты, писали сценарий, поздравляли ее. У Марии Исаевны было материнское отношение к актерам. Она добивалась оказания им материальной помощи, заботилась, чтобы между репетициями и спектаклями артистов кормили булочками с чаем.

Богдан Чуфус, Народный артист Украины, журналист, телеведущий:

— Наряду с шутками, юмором в ее капустниках была всегда грустная нотка в связи с нелегкой профессией актеров, их уязвимостью, зависимостью от режиссеров, с тем, что порой годами приходится ждать роли. Она очень любила артистов, старалась помочь тем, кто оказался за бортом. Я работал с М. Каменецкой и в Русском театре, и на телевидении, и в Доме актера и вспоминаю ее с нежностью и уважением. Она была требовательным, обязательным и бескомпромиссным человеком. Если ошибалась, то признавала свою неправоту. Но не прощала обид. Помню, как в театре ее однажды обидел главреж, потом просил прощения, но она ушла. Она не умела ходить к начальству и просить за себя. Помню и сегодня телеспектакли в постановке Каменецкой: "Старик", "Первая любовь", "Матиола", "Проездом"...

Одесские капустники триумфально шли не только в родном городе. Им рукоплескали во Львове, Киеве, Москве, Кишиневе. А на поклон к зрителям вместе с актерами выходила Мария Каменецкая, всегда элегантно одетая и в новом платье.

Когда Мария Исаевна находилась уже в преклонном возрасте, всю свою нерастратченную увлеченность театром она отдавала Клубу ветеранов театральной сцены. Служители Мельпомены на отдыхе готовили концертные программы, выступали, а потом были дружеские посиделки за накрытым столом.

Но Мария Исаевна и сама была очень гостеприимной и хорошей хозяйкой. У них с мужем — журналистом Юрием Петровичем Удовиченко — был открытый хлебосольный дом. У нее всегда было много друзей и в Одессе, и во Львове, и в Германии. Эмигрировать ей не хотелось, но муж умер, детей не было, а в Германию звали сестра, племянники.

Мужа Мария Исаевна похоронила в 1997-м. Поставила памятник на Таировском кладбище, ему и... себе, оставив место для даты смерти. Она мечтала, чтобы после смерти ее кремировали и перевезли в родную Одессу. Но немецкие законы оказались сильнее.

До 90 (!) лет, пока могла, Мария Исаевна каждый год прилетала на Родину. В последние ее приезды в аэропорту непоседливой старушке, учитывая возраст, предоставляли для удобства передвижения инвалидное кресло. Только последние лет 6 — 7 Каменецкая была "невъездной". Жаловалась: голова ясная, а ноги отказываются.

Но и на чужбине сказались железный одесский характер. Вдали от любимого города, от театральных сцен, от телевидения Мария Каменецкая стала активным членом Русского клуба, писала сценарии к постановкам, статьи в газеты и рецензии на театральные работы, которые выходили в лейпцигских изданиях. Консультировала творческие проекты, была незаменимым советчиком и наставником для молодых коллег. Она писала воспоминания о людях, которых знала и с которыми сводила ее судьба, и добрые, светлые стихи-посвящения своим друзьям; писала сценарии всевозможных капустников для своих родных и знакомых. Обладая невероятным чувством юмора, умудрялась так праздновать свои дни рождения — с юмором, сюрпризами — до самого конца и была благодарна судьбе, оставившей ей до последнего дня ее долгой жизни светлый ум, хорошую память и журналистское перо.

И за 90 она сохранила огромный интерес к жизни, была окружена людьми, совершенно разных возрастов. Может, оттого, что никогда не брюзжала, не раздражалась, не жаловалась, как бывает в подобном возрасте. Она всё принимала, всему была открыта. Потому что обладала удивительно молодой душой, что дано лишь единицам, особенно в таком возрасте.

По счастливому стечению обстоятельств в Лейпциге ее соседями стала семья театральных работников. Выпускники ГИТИСа: Слава — режиссер, Елена — актриса. Они организовали в Германии Школу мастерства актера и на ее основе — театр-студию "St'ART". Они стали близкими друзьями с Марией Исаевной, несмотря на разницу в возрасте почти в полвека.

Елена Серопова:

— В прошлом году поздравляла ее с днем рождения. Я спрашиваю: "Как будете его отмечать?" А она мне отвечает: "Я написала сценарий". Она не ощущала свой возраст.

Уже с трудом передвигаясь, она посещала концертные залы, оперный театр, литературные вечера и спектакли. До последнего дня Мария Исаевна оставалась женщиной в высшем понимании этого слова, самом прекрасном. Следила за модой и следовала ей, всегда причесана, подкрашена, всегда полна достоинства, всегда со вкусом одета, до последних дней. Она была Человеком с большой буквы... За пару недель до смерти она сказала: "Всё моё тело мне отказывает. Всё. Кроме головы!..." Ей можно было сказать любую строчку, любое четверостишие ее любимейшего Пушкина, и она продолжала наизусть.

Она чувствовала приближение конца, но была при этом полна надежд, замыслов, планов... Одна из последних ее рецензий — статья-отзыв на наш спектакль "Верхом на козе", посвященный Гершеле Острополеру.

За три дня до ее смерти мы с мужем были у нее, и она в разговоре сказала: "Знаете, что я поставила в Одессе перед отъездом? Пурим!" Она по-особому относилась к этому празднику, говорила, что это благодатная тема в плане постановки. Едва ли она догадывалась, что хоронить её будут на Пурим, 5 марта. Думаю, ей бы это даже понравилось. Ведь ей так под эти стихи Овсей Дриза "Мое желание":

Даже сейчас, на склоне лет,
Хочу я больше всего
Не ехать перед оркестром,
А плясать впереди него.

К своим 96 годам она не устала жить. Грустила только, что ослабла. А я ей говорила, что весна непременно принесет с собою тепло и радость обновления, что надо подождать еще два дня до весны, и обязательно появятся новые силы... Ей пришлось по вкусу эта мысль! Она не дождала до весны всего пять часов...

Евгений ДЕМЕНКО

Илья Зомб

ОДЕССКИЙ ХУДОЖНИК, СТАВШИЙ АМЕРИКАНСКИМ

Ещё в Одессе я слышал множество рассказов об одесском художнике, сделавшем себе карьеру в Америке. О том, что за его работами, выполненными в совершенно особом стиле, буквально выстраивается очередь, а цены продаж бьют рекорды. Собираясь в Америку, я написал Илье письмо с просьбой об интервью. Он любезно согласился. Мы встретились холодным январским днём в Нью-Йорке. Гуляли по Бруклинскому музею, ездили по Манхэттену и говорили. Результат перед вами.

— **Традиционный первый вопрос: как и почему ты решил стать художником?**

— Ну да... Авраам родил Исаака, Исаак родил Якова...

— **А Яков родил Илью...**

— Почти что так. Меня родил Матвей. Я родился в Одессе. А художественная моя деятельность началась с того, что родители начали учить меня играть на фортепиано. Они страшно хотели сделать меня музыкантом — отец в своё время окончил консерваторию. А мама работала бухгалтером в Художественном фонде. И все детские годы я бегал к ней на работу, на Толстого был тогда оформительский цех, и запахи краски впитались в меня с раннего детства. Если ты знаешь особняк Бардаха — на Толстого между Подбельского и Нежинской, вот там был Художественный фонд. Вот туда я бегал, параллельно учился играть на фортепиано, но не очень любил это занятие. Любил рисовать. Очень любил. И вот мой школьный учитель рисования обратил на это внимание и вызвал моих родителей в школу — поговорить обо мне и моей страсти к рисованию. А я изрисовывал детские альбомы от корки до корки. Он рассказал родителям о том, что в Одессе есть детская художественная школа и что было бы правильным отдать меня туда. В общем, я выдержал экзамен после четвёртого класса и поступил в эту школу, где учился четыре года. Каждый раз, поднимаясь на второй этаж в школу, я проходил через художественное училище. И когда я окончил школу и встал вопрос о поступлении, у меня даже не было никакого другого желания, кроме как поступить в училище. Это было целью моей жизни — так я хотел туда поступить. Весь мир тогда заключался только в этом. Я выдержал экзамен — и поступил. Мою фамилию называли в приёмной, я зашёл в кабинет директора, и Василий Петрович Соколов сказал, что я принят. Это был действительно счастливый день.

— **И ты ещё четыре года продолжил ходить той же дорогой...**

— Да, я учился четыре года. Что важно — детская художественная школа привила настоящую любовь к рисованию. Единичи из её выпускников поступили потом в училище или на архитектурный факультет, но у всех сохранилась эта любовь к искусству.

— **А кто из учителей больше всего повлиял на развитие такого интереса, такой любви к искусству?**

— Это Леонид Васильевич Оконенко. Я ему очень благодарен. Мало того, он разбудил в нас соревновательный дух. Не просто любить, а добиваться чего-то. Он устраивал конкурсы, и я там иногда даже выигрывал.

А вот в училище у нас мелькали учителя — хорошие были люди, но я не могу сказать, что кто-то повлиял особенно.

— **Были мысли о том, чтобы продолжать обучение?**

— Сразу после училища меня забрали в армию, где я тоже всё время рисовал и даже, будучи в армии, попал на свою первую областную выставку, и ближе к концу службы я начал думать о том, чтобы поступать дальше. Но... меня взяли на работу в Одесский художественный фонд. Туда было очень трудно попасть, и это решило мою судьбу. Так началась моя творческая жизнь. К сожалению, дальше областных выставок нас не пускали. Потому что участие в республиканской выставке — это уже прямой путь к тому, чтобы стать членом Союза художников или хотя бы молодёжной секции. Нам это отрезали начисто. Возможность выставляться за пределами Одессы появилась только после перестройки. Тогда мы стали сами ездить и возить свои работы на выставкам. Мы с Сашей Ройтбурдом повезли работы в Москву — была выставка в Манеже, и у нас их приняли и даже показали наши работы в репортаже! Сашину работу вообще купили там. И у меня купили с выставки. Потом мы повезли работы на республиканскую выставку "Молодость страны", и тоже были закупки. Всё это было уже после начала перестройки.

— **Возвращаясь к родителям — несмотря на фиаско их попыток сделать тебя музыкантом, они нормально отнеслись к твоему решению стать профессиональным художником? Ведь это достаточно рискованная профессия — в материальном плане.**

— В еврейских семьях родители всегда давали детям образование, потому что это то, чего нельзя отнять. Мои родители не бы-

ли меркантильными людьми. Отец был с музыкальным образованием, оперный певец, очень любил музыку. Он всегда говорил мне: "Через труд ты добьёшься всего. Даже слона учат танцевать". В моём выборе профессии они меня полностью поддержали.

— **И не ошиблись. У тебя с первых выставок начали покупать работы.**

— Да, было такое. После выставок в Киеве и Москве нас всё же приняли в молодёжную секцию Союза и предложили сделать выставку "на четверых": Лыков, Володя Кабаченко, Ройтбурд и я. Это была первая такая экспериментальная выставка молодых художников. Она в своё время очень прозвучала. Две мои работы тогда заинтересовали Одесский художественный музей, но их купили уже до этого — коллекционные. Если бы я знал...

— **Ты работал тогда в такой же манере, что и сейчас?**

— Нет, тогда я писал мастихином, делал такую фактуру пастозную. Сейчас пишу иначе. Какие-то элементы фактуры остались, но незначительные.

— **То есть художнику в Союзе выжить было возможно?**

— В перестройку — да. До того в основном писали госзаказы. Я ни одну работу на заказ не сделал, я работал художником-оформителем. Рисовал наглядную агитацию, которая никому не нужна была в той стране, и ни от кого не зависел идеологически. На агитацию выделялись фонды, и я рисовал какое-то мясо, продукты мифические. Инструкции по технике безопасности. Не продавая совесть, зарабатывал на жизнь. Но живопись на заказ никогда не писал.

А в 87 — 88 годах продать работу в частную коллекцию было уже несложно, потому что люди уже начали паковать чемоданы. Стали думать, как перевести деньги. Кто-то сказал, что лучший перевод денег — это покупка картин. И началось. Я старался не продавать свои работы, потому что уже решил, что буду уезжать, и хотел уехать с работами.

— **Да, такое было. Когда одесситы в конце 80-х уезжали в Израиль, они советовали друг другу брать с собой льняное постельное бельё и картины Иосифа Островского. А сколько работ ты привёз с собой в Америку?**

— Единственный багаж, который я отправлял из Одессы в Америку, были мои работы, краски и кисти. Я привёз около двадцати работ. Их можно увидеть на моём сайте www.zombart.com, в разделе "Made in USSR". А те, что остались там... Их уже не увидеть. Тогда не было возможности сделать нормальные слайды.

— **Ты приехал в Америку в 89-м, а уже в 90-м участвовал в групповой выставке. Как получилось так быстро войти в художественную жизнь?**

— Когда я приехал, нас взяла под опеку организация "Найяна". Еврейская организация для новых американцев. И, так как в то время приезжало очень много музыкантов, художников, писателей, у них открылась программа для их интеграции в новую жизнь. Директором этой программы была Эллис Эдесман — очень интересная женщина. Эдесман — фамилия её мужа, это означает, что это человек из Одессы. Одессамэн, Эдесман. Так возникла его фамилия. Вообще в США чужеродцы Одессы, и все они названы в честь нашей. В Техасе большая Одесса. Я был в одной на севере штата Нью-Йорк — это потрясающее впечатление, когда ты въезжаешь в Одессу.

— **Эллис организовала эту выставку?**

— Да, в Коннектикуте. Там продавалась моя первая работа в Америке — ещё до открытия выставки. Это была моя маленькая победа. С этой выставки всё началось. Одни события влекли за собой другие.

— **А как проходила дальнейшая адаптация? Ты быстро почувствовал себя в своей тарелке?**

— Мне помогали разные люди. Есть человек, который сыграл определённую роль в моей жизни. Это Аркадий Гошинский. Он был эмигрантом из Харькова, это человек интересной судьбы. Он специально приехал на эту выставку в Коннектикут. С нами выставлялся художник Миша Губин, и Аркадий был одним из его приглашённых.

Я с ним познакомился, ему очень понравились мои работы, и он пригласил меня к себе. Он сказал: "У меня есть бубличная на 57-й стрит, давай сделаем там твою выставку".

— **В ней и Саша Ройтбурд выставлялся, кажется.**

— Кажется, да. И вот Аркадий пригласил меня к себе. Я тогда ещё работал в Манхэттене и подъехал к нему — в бейгл-кафе, "Baron Bagles". А 57-я стрит — это одна из важнейших артерий в Мидтауне, очень хорошее место. Кафе было между 8-й и 9-й авеню. Там рядом телестудии ABC, CBS и множество других офисов. На ланче у него стояла обычно очередь из знаменитостей.

— **Сразу готовая аудитория.**

— Ты понимаешь, в Америке художник может прийти в любую галерею, к любому куратору. Двери открыты. Вопрос в том, что у них свои собственные представления о том, что интересно и что нет, что они будут выставлять, что они захотят выставить. Я начал выстраивать отношения с галереями, но я человек не очень общительный. Не очень пробивной. И хотя говорят, что под лежащий камень портвейн не течёт... В общем, я сам себе сказал, что там, куда меня будут звать, я буду выставляться, каким бы сомнительным или непрестижным это место ни казалось на первый взгляд. В конце концов, всё даёт какой-то отклик. Поэтому — кафе, так кафе. Место там замечательное, стены хорошие, до меня там уже было несколько выставок. И потихоньку мои работы начали там продаваться.

— **Работы были уже новые? Написаны в Америке?**

— Те, которые я привёз, и несколько тех, которые написал уже здесь. И вот Аркадий начал рассказывать мне, что если раньше посетители брали бейгл, кофе и читали газету, то во время моей выставки они громко обсуждали между столиками мои работы, целые диспуты устраивали. Я и сам это заставлял несколько раз. А параллельно я принимал участие в групповых выставках с разными художниками — в "братских могилах".

— **У тебя были выставки и в Коннектикуте, и в Массачусетсе, в Сиэтле...**

— Это уже позже. А тогда это было в Нью-Йорке и вокруг него. Как говорится, пыльно и не денежно. Но постепенно всё начало выстраиваться. Люди начали покупать мои работы. У Аркадия они постоянно продавались — причём люди сразу с ними уходили, и нужно было немедленно заполнять пустые места на стенах.

— **У меня тоже было арт-кафе, но я договаривался с покупателями, чтобы они забирали работы после окончания выставки.**

— Нет, тут человек покупал работу, брал под мышку и уходил. Мои работы очень понравились одной даме, она часто заходила в кафе. В конце концов, мы с ней познакомились, её зовут Лиза Янг. Мы с ней потом сделали много проектов. Сначала она поспособствовала моему выходу на галерею — в Теннесси, например. Всё происходило параллельно — как раз в это время в Сохо была моя выставка, в галерее "Synchronicity Space". Там в одном помещении галерея и театр. Человек, который содержал галерею, брал плату с художников: 700 — 800 долларов за две недели. Но он брал далеко не всех — художник должен был ему понравиться. К нему была целая очередь из желающих выставиться. С этой нашей выставкой в "Synchronicity" получилось забавно. В Нью-Йорке никогда не знаешь, какая будет погода: кругом вода, и погода меняется постоянно. Февраль может быть солнечным, а может быть пасмурным и снежным. Нам с Мишей Губиным предложили именно февраль. Мы прилично вложились в открытие — заплатили галерее, выпустили открытки и ждали посетителей. И вдруг выпал снег, Нью-Йорк завалило, на открытие с трудом добрались несколько человек. И тем не менее: были отклики, пресса, а главное — пришла Лиза Янг. После этой выставки она предложила мне работать — у неё была компания, которая работала с несколькими русскими художниками, были связи с галеристами.

— **Твоей активности можно позавидовать.**

— Это ещё не всё. В Сиэтле была "Дэвидсон галлери", я послал туда несколько приглашений на выставку, открыток, они со мной связались и предложили сделать выставку в Сиэтле. Так началась выставочная деятельность уже с галереями. У меня было несколько выставок в Теннесси. Теннесси вообще отличное место, там ко мне очень хорошо отнеслись. Сначала они взяли несколько работ, потом предложили сделать

уже персональную выставку. Я полностью загрузил свой мини-вэн работами и поехал туда. Двенадцать часов. Была очень тёплая встреча, хотя я немного побаивался, потому что Теннесси — это юг, и ментальная граница до сих пор существует. И тут приезжаю я — с севера, эмигрант, да к тому же еврей. Три в одном. Но на самом деле встреча была настолько тёплой, что я вспоминаю до сих пор.

— **Когда ты приехал в Америку, живопись была не в моде. Выставляли в основном инсталляции, объекты, поп-арт. Тем не менее, ты остался верен живописи.**

— Я, как всегда — вопреки, начал уходить в реализм. Тогда в Сохо было множество галерей, которые получали гранты. Деньги от правительства. Вот они показывали то, что было модным — например, инсталляции Кабакова. Я даже не понимаю, как возможно её купить и поставить у себя дома. Хотя там были интересные вещи. А я писал живопись. У меня был очень интересный случай. Приятель Лизы Янг, Патрик, помог мне устроить выставку в магазине антикварной мебели в Нохо — севернее Houston street. У этого магазина были свои покупатели, люди с хорошим вкусом. Мои работы там висели в интерьере, что придавало определённый шарм, и в витрине.

И вот однажды Патрик звонит мне и говорит — тут для тебя есть интересное предложение, крупная торговая компания "Neiman Marcus" хочет предложить тебе сделать обложку для их юбилейного каталога. Ну, я ему отвечаю, что я не делаю обложки, я живописец, а это несколько другой вид искусства. На что он говорит мне: "Парень, перестань ваять дурака. Это настолько известный магазин, что он даст тебе моментальную узнаваемость. Десять — двадцать тысяч экземпляров этого каталога рассылается самым богатым семьям". Оказывается, дизайнер этой компании увидела мои работы в витрине, и они ей очень понравились. В общем, она решила заказать мне обложку. Они вели себя очень корректно. Для начала прислали мне целый комплект каталогов — я таких раньше не видел. Отличные высокохудожественные фотографии, каждый каталог оформляли известные художники. Единственной просьбой с их стороны было то, что на картине должна быть бабочка — больше никаких ограничений. В общем, я согласился.

Сделал два эскиза, оба одобрили. Тогда я начал выдвигать свои требования. Я сказал, что пишу живопись, и так как обложка загибается, работа должна быть опубликована полностью. Плюс должно быть указано моё имя. Они со всем немедленно согласились. Я сделал работу, каталог напечатали — и что тут началось! Море отзывов. Меня сразу нашла галерея "Caldwell Snider", с которой я работаю до сих пор. А сама работа попала домой к Стенли Маркусу — одному из хозяев компании. Это легендарная личность. Да и компания легендарная — их магазины есть в самых дорогих моллах, а первый магазин они открыли в Техасе в 1905 году. Две еврейские семьи — Нейманы и Маркусы. И вот после выхода каталога Стенли Маркус сам позвонил мне — работа так ему понравилась, что он захотел лично со мной пообщаться. Это было очень приятно. Ему было уже за девяносто тогда, но он живо интересовался всем, что происходит.

А потом они ещё предложили мне сделать работу по второму эскизу, который тоже одобрили, и купили эту работу.

— **Просто удивительная история!**

— Это правда. Меня до сих пор находят люди, которые увидели мою работу на обложке и искали меня всё это время.

— **О стоимости твоих работ ходят легенды.**

— Ситуация здесь не бывает постоянной. Цены меняются. У меня продавались работы за 50 — 60 тысяч. Но сейчас я таких больших работ не пишу — их нелегко продать. Когда была моя первая выставка в галерее "Caldwell Snider" (сейчас она в Нью-Йорке называется "Campton"), а первая моя выставка была в 1999 году, то все работы были проданы ещё до начала выставки.

— **Впечатляет... Я слышал даже о том, что за твоими ещё не написанными работами стоит очередь, как у Герхарда Рихтера.**

— Были моменты, когда мне платили за ещё не оконченные работы. На моих выставках работы очень часто помечены красными кружочками.

Вообще, анализируя мотивы покупки картин, я пришёл к выводу, что есть три типа

покупателей. Три категории. Первые — это те, кому понравилась живопись. Просто физически понравилась, и человек хочет иметь её у себя, потому что она радует глаз. И он покупает — не имеет значения, это начинающий художник за 50 долларов или Рембрандт за 20 миллионов. Главное — эта работа радует его глаз. И он покупает в зависимости от своих возможностей.

Вторая категория — это люди, которые мечтают найти нового Ван Гога, когда он ещё не раскручен и ничего не стоит. Такой человек делает инвестиции, тоже в соответствии со своими возможностями — известного художника за 50 долларов или того же Ван Гога за пять миллионов, надеясь, что скоро он будет стоить десять. Они играют в такую своеобразную галерею.

А людям третьей категории совершенно безразлично, что висит у них на стене, станет эта работа дороже или дешевле: им просто дизайнер сказал, что на этом месте должно что-то висеть. Это тоже может быть за 50 долларов или за миллионы — для него это не имеет никакого значения. Он слушает своего дизайнера.

Самая приятная, конечно, первая категория, и я надеюсь, что мои работы покупают как раз такие люди.

Всё-таки я не часто встречаюсь непосредственно с покупателями. В основном продаёт галерея. Я не знаю, что они там говорят покупателю.

— **В Америке практикуется покупка прямо у художника, из мастерской?**

— Конечно, покупают. Почему нет? Но если люди видели мои работы в галерее и приехали прямо ко мне — я не продам. Галерея должна зарабатывать.

— **В твоём контракте есть запрет на прямые продажи?**

— Они этого не приветствуют, но запретить мне никак не могут. Но когда ко мне приезжают или находят меня в Интернете, я всегда спрашиваю, как они меня нашли, и часто направляю в галерею.

— **Ну конечно. Ты уже пятнадцать добрых лет работаешь с одной галереей, которая прекрасно справляется со своими обязанностями. Украинские галереи, как правило, столько не живут.**

— Здесь тоже это есть. Бывает, галереи разоряются и не возвращают деньги художникам. В моей галерее, к счастью, порядочные люди.

— **Существующая в Америке инфраструктура идеальна для художника, или есть к чему стремиться?**

— Мне как-то задали вопрос: "Как ты думаешь, сколько художников живёт в Нью-Йорке?" И как вообще определить: человек — художник или нет? Когда ты заполняешь налоговую декларацию, ты пишешь, какая у тебя профессия. Ты можешь зарабатывать деньги как таксист, как официант, но в налоговой декларации ты пишешь, что ты художник. Так вот, в Нью-Йорке четыреста тысяч человек называют себя художниками. При этом в Нью-Йорке всего 400 галерей. Среди них есть галереи, которые выставляют только умерших художников. Непокрытым остаётся колоссальный слой. Даже если все четыреста галерей возьмут по тридцать художников каждая.

— **Скажи, а чьё творчество тебе нравится?**

— В разные периоды времени мне нравились разные художники. Сейчас я больше всего ценю художников, которые умеют. У которых не только оригинальное видение, но ещё и безусловное мастерство. Потому что интересно всегда то, что сам не умеешь сделать. Что кажется недостижимым.

Я очень люблю итальянское Возрождение, северный Ренессанс, голландских примитивистов. Ван Эйк, Брейгель... Беллини. Голубой период Пикассо.

— **Твои выставки кроме Америки были в Европе — в Лондоне, в Дублине. А в Украине или России тебя не приглашали выставиться?**

— Это был проект одной моей приятельницы, англичанки, она меня уговорила на это дело. Там были коллективные выставки. У меня есть галерея, которая представляет меня в Европе, в Женеве. Но у меня зачастую нет работ, чтобы выставить — всё покупают здесь. В Украину и Россию не приглашали. И даже если пригласят, я не знаю, соглашусь ли — по той же самой причине.

— **Если говорить об одесской художественной традиции — как ты себя в ней видишь? Несмотря на то, что уехал?**

— Я начал формироваться там, но как художник сформировался окончательно здесь. Но мне очень нравится Егоров, например.

— **В своё время мы с Евгением Михайловичем Голубовским в интервью задавали нашим художникам вопрос — Егоров или Хрущ? Кого вы считаете классиком? Ответы очень разнились.**

— Я Хруща не понял. Да, я видел почти религиозное поклонение ему, но как-то не проникся, что ли. Хотя он обладал колоссальным обаянием, был остроумным чело-

веком. Как-то я слышал об одном интересном случае — в Худфонд пришёл новый директор, кажется, из обкома. Совершенно мерзкая личность. Он стал наводить порядки, требовать, чтобы художники строго посещали пятиминутки и так далее. И вот на одной из таких пятиминуток Хрущ встал и сказал: "А можно сделать так, чтобы у нас были не пятиминутки каждую неделю, а одна полчасовка в месяц?"

В общем, его хотели исключить из Союза. Но все его друзья были тогда на хорошем счету, были в руководстве в монументальном цеху — Мока Морозов, Маринюк, тот же Егоров. И они пошли просить, чтобы его восстановили. Они начали его уговаривать прийти к директору, восстановить с ним отношения. И вот Хрущ пришёл к директору, а тот начал его укорять, спрашивать, почему тот не ходит на собрания и так далее. Хрущ слушал всё это, потом сказал ему: "Да потому, что я родился в 42-м году в оккупированной Одессе!" Развернулся и ушёл.

— **Из вашей группы в художлище кто-то кроме тебя и Лисовского состоялся? Обычно большинство выпускников так и не становятся художниками.**

— Я знаю только о Лисовском, потому что с ним дружил. На слуху других имён нет.

— **Илья, твои работы трудно спутать с чьими-то другими. Они необычны, завораживающе красивы и часто загадочны. Как рождаются идеи, темы работ?**

— На моих работах изображено то, что могло бы быть в реальной жизни. Рождается одна идея, потом она цепляет другую — и начинает прорисовываться идея картины. Ты рисуешь, делаешь эскизы и наброски, и одно меняет другое — тут чуть изменил, тут что-то добавил. Так рождаются серии. Главное — не забыть идеи, которые пришли в голову.

К счастью для себя, я не импульсивный человек, я не хватаюсь сразу за кисть. Картинка отстаетается и приобретает законченный вид.

— **То есть идеи серий и вообще серии — это не коммерческий ход, а творческий импульс?**

— Я очень боюсь коммерческого взгляда на живопись. Взгляда через призму галереи. Всячески стараюсь от этого дистанцироваться. А серии появляются потому, что, когда появляется идея, мне не хочется выбирать между несколькими эскизами и от чего-то отказываться. У меня даже есть такая серия: "Пары". Одно цепляет другое, и трудно решиться — это писать или это. Хочется написать и то, и то.

— **Как можно назвать стиль, в котором ты работаешь? Сюрреализм? Магический реализм?**

— Нет, это не сюрреализм. Это ведь картинка из реальной жизни, которые ты видишь, выходя из дому. Или можешь увидеть. Мне много раз задавали этот вопрос, и в конце концов я придумал название своему стилю — псевдорреализм.

Все мои работы связаны с моими впечатлениями, переживаниями, воспоминаниями. И во всех работах есть баланс. Баланс — это то, что их объединяет. Вообще баланс — это тема, которая очень интересует меня в последнее время. У меня очень много работ, связанных с балансом. Это то, что мне хочется и дальше продолжать делать — находить точку, в которой ещё есть гармония, а дальше уже всё. Начинается разрушение.

— **Ты говорил, что подолгу работаешь над каждой работой...**

— Каждую свою работу я могу писать всю свою жизнь, не уставая что-то доделывать и переделывать. Я думал сначала, что только мне свойственна эта болезнь — когда не можешь решиться поставить точку. Но потом узнал, что это свойственно многим художникам. Я читал, что у Рембрандта некоторые работы находились в мастерской годами, и он всё время работал над ними — что-то доделывал, переписывал. Это легко объяснимо. Мне кажется, что я расту, совершенствуюсь, и работы должны расти вместе со мной.

В один прекрасный момент я понял, что всегда все работы пишу только для себя, но не коллекционирую собственные работы. Я любую из своих работ могу повесить у себя. И она не будет меня раздражать.

КРАТКАЯ СПРАВКА

Илья Зомб родился в Одессе, окончил художественную школу, а затем — в 1979 году — Одесское художественное училище. В 1979 — 1988 годах принимал участие в выставках в Одессе, Киеве (Национальный художественный музей) и Москве. С 1989 года живёт и работает в США. Участник более чем пятнадцати групповых выставок в США, Великобритании, Ирландии, Швейцарии; провёл одиннадцать персональных выставок в Нью-Йорке, Ноксвилле, Нантакете, Сиэтле. С 1999 года работает с галереей "Caldwell Snyder" — "Campton". Работы находятся в частных коллекциях в США, Швейцарии, Великобритании, Украины, Музее изобразительных искусств в Ноксвилле (Теннесси).

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ

Улицы нестрогих дев

ФРАГМЕНТ ИЗ КНИГИ

Еще до выхода в свет этой книги доводилось слышать недоуменные вопросы типа: "С чего это вдруг вы выбрали темой ее проституцию, или другой не было?" Позволю себе ответить по-одесски вопросу на вопрос: "Другой было. Но кто сказал или где написано, что в истории Одессы есть хоть одна страница, которая не должна быть открыта и прочитана пусть даже много лет спустя?"

Многие приезжие люди, в том числе — иностранцы, первым делом просят показать Молдаванку. Не Пересыпь, не Фонтаны и не центр города, а именно Молдаванку. И на вопрос о причине такого избирательного интереса неизменно отвечают, что, дескать, читали о ней в "Одесских рассказах" Исаака Бабеля и непременно хотят увидеть своими глазами. Правда, раньше него о Молдаванке написал Семен Юшкевич в повести "Улица", но она там названа "окрайной" и не всеми вне Одессы узнаваема была. К тому же повесть автора-белоэмигранта в советские времена не печаталась, а за границей и вовсе не была известна. У Бабеля же, который родился там, Молдаванка не только названа, но Алексеевской и Серединской площадями представлена и улицами: Костецкой, Головковской, Прохоровской, Дальницкой, Балковской. По его словам, "дворы Глухой <...> не оскудевали. Они кишели детьми, как устья рек икрой". И "налетчики проехали на глухую улицу к публичному дому Иосыки Самуэльсона", как написано о том в рассказе "Отец".

Бабеля, верного поклонника творчества Ги де Мопассана, привлекала тема продажной любви и нестрогих дев возможность разглядеть в них человека, гаммой страданий, обостренностью чувств, многообразием и неожиданностью ситуаций. У него есть трогательный рассказ "Илья Исаакович и Маргарита Прокофьевна", в разных вариациях полностью или фрагментарно эта тема проходит в рассказах "Иисусов грех", "Мой первый гонимый", "Улица Данте", "Старательная женщина". "В щелочку". Об Иосыке, которому Бабель дал фамилию Самуэльсон, рассказ не написан, но упоминание его, в отличие от других произведений, настолько документально, что земляки-современники писателя с первого прочтения понимали, о ком и о чем идет речь.

В первом издании рассказа "Отец", включенного Бабелем в сборник 1925 года, слово "Глухая" напечатано с прописной буквы как название улицы, нынешней Запорожской, и, следовательно, имя собственное. Но во всех последующих прижизненных изданиях рассказа оно уже печаталось со строчной буквы — "глухая", являя собой прилагательное. И это, скорее всего, не есть недосмотр, поскольку Бабель всегда сам держал корректуру. Более того, он часто в который раз что-то редактировал, дополнял, сокращал, заменял, поскольку для него не было проходных слов, каждое было тщательно отобрано и подогнано к другим так, чтобы восприятие читателя не споткнулось на их стыке, как добросовестный мастер подгоняет паркетину к паркетине, чтобы, не дай Бог, не споткнулся человек. И он, возможно, посчитал, что читателю, не удостоившемуся счастья и чести родиться одесситом, совершенно все равно, как называлась улица, на которой было заведение Иосы. А как прилагательное слово имеет определенный смысл — налетчики торжественно ехали в дом терпимости, расположенный не в центре города, а на их родной Молдаванке, но в какой-то там глухомани. Поскольку же каноническим принято считать последней прижизненной публикации литературного произведения, с тех пор так и печатается — "глухая".

А как иначе ее можно было назвать, если еще в середине 1870-х годов тротуаров и мостовой там в помине не было, летом над дорогой стояла сплошная пыль. Осенью же дорога была совершенно развезена, а зимой ухабы и рытвины замерзали так, что извозчики ни за какие деньги не соглашались туда ехать, опасаясь за целостность своих экипажей: "Да ну ее! Еще сломаю ось!" Имелся в виду, конечно, не гражданин по имени Ося, а ось колес.

С конца 1890-х годов на Глухой, 26 (по нынешней нумерации), в доме мещанина Александра Гуковского, был дом терпимости Эстер Абрамовны Фельдман. На первом этаже там имела небольшая зала, на втором — комнаты девушек, маленькие, полу-

темные, поскольку без окон и с одной только фрамугой над дверями, выходящими в коридор. Словом, не все было так, как, по разумению хозяйки, должно быть в "приличном заведении". А потому ближе к концу первого десятилетия XX века дом терпимости Фельдман перешел в помещения на Глухой, 10, которые до этого занимало переведенное на другую улицу такое же заведение мадам Могилевской. И наступили звездные годы этого заведения, всеми делами фактически занимался муж официальной содержательницы херсонский мещанин Иосиф Вульфович Фельдман, которого Исаак Бабель по этическим соображениям назвал Самуэльсоном, а клиенты и даже извозчики попросту именovali Иосей.

Известность к заведению пришла быстро, а извозчики, услышав "К Иосыке", направлялись прямо на Глухую, куда, казалось, даже лошади их знали дорого. Комнаты девушек там были светлые, с "устройством для умывания", как значилось в протоколах санитарных осмотров. Здесь они принимали клиентов часов с пяти — девяти вечера до пяти часов утра, после чего спали до трех часов, проснувшись, обедали в отдельной комнате, отобедав, возвращались к себе и приводили себя в такой вид, какой им нужно было иметь, ожидая в зале клиента.

Зала была просторная, а стены расписаны картинами, близкими к назначению заведения, но не порнография это была, как в борделях древнеримских городов, а, скорее, эротика. В углу залы стояло пианино, но не отыгравшее свое уже много лет назад, не разбитый топчан, как называл такие один ресторанный музыкант "с раннего времени", а вполне еще пригодное для использования в заведении, в котором не фортепианные концерты давали, а нечто другое. И тапер играл на нем новомодные танцы вальс-бостон да танго, под которые успевшие сложиться парочки танцевали, и кто-то из подвыпивших клиентов, случалось, напевал сочиненную на мелодию танго фольклорную песенку "На Дерибасовской открылась пивная./ Там собиралась компания блатная". Музыка туда многих привлекала, и в рассказе "Записки моего современника" Лев Вениаминович Никулин, который годом раньше Исаака Бабеля окончил Одесское императора Николая I коммерческое училище, написал "В портовом погребке "Порт-Артур" у пана Михалыского пьяный матрос с "Вампоа": "Музыку! Дай музыку! А то уйду на Глухую к Иосыке!"

У Фельдманов было двое детей. В 1903 году родился Ента, которую потом звали Леной, а через два года — Калман, будущий Коля, потом — Николай Иосифович. Поскольку по тогдашним разумным правилам малолетние дети не могли жить в доме, где располагалось заведение, они жили у родственников, а когда выросли, за жили своей жизнью.

Известность человека разной бывает, и память о нем — такой же. А от безжалостной людской молвы нигде не скрыться, и еще в 1930-х годах Лене, даже захоти она, это тоже не удалось бы, так как жила она с мужем и детьми на давно уже переименованной Глухой, 18, через три дома от того места, где было когда-то заведение папы. И в периодически вспыхивающих дворовых сварах соседи кричали ей, будто в чем-то перед ними виноватой: "Ты! Дочка Иосыки!" А она ни в чем и не перед кем виноватой не была, и вообще, нам не судить родителей своих, которых мы не выбираем. Поэтому, может быть, благодушно поступила дочь Миши Япончика Адель, которая воспитывалась у бабушки Добы Зельмановны Винницкой в квартире № 40 на первом этаже правого дворового флигеля дома на Госпитальной, 23. Отца она не помнила, поскольку ей еще года не было, когда летом 1919 года его, тогда уже командира "54-го стрелкового полка имени тов. Ленина", большевики, как последнего урку, расстреляли без суда и следствия на железнодорожной станции "Вознесенск". Но она хорошо помнила, как соседские ребята, осведомленные, наверное, благодаря взрослым, прыгали во дворе вокруг бабушки с криками "Беня Крик! Беня Крик!", после того как в кинотеатрах показывали снятый по сценарию Бабеля и вскоре запрещенный одноименный немой фильм, прототипом главного героя которого был ее отец. Она окончила трудовую, как тогда называли, школу № 65 на Госпитальной, 32, незадол-

го до начала войны уехала в Баку, и больше никто ее в Одессе не видел, только подруги вспоминали еще много лет.

Брата же Лены Фельдман никто не дразнил. Николая Иосифовича знали, уважали и благодарны ему были все фотографии-профессионалы и серьезно занимавшиеся этим делом любители за то, что он, заведующий магазином "Фототовары" на Тираспольской площади, каким-то образом умудрялся обеспечивать его дефицитными тогда фотографической бумагой и пленкой фирмы "AGFA" в ГДР. А друзья любили его за доброту и отзывчивость. И частенько, дабы наблюдать его неизменную реакцию, обращали внимание на какую-нибудь встречную красавицу: "Посмотри, какая девочка!" И он пренебрежительно бросал: "Да разве это девочка? Вот у моего папы были девочки!"

У папы действительно "были девочки", но на Глухой не только у него. Летом 1911 года газета "Одесское слово" напечатала очерк журналиста, подписывавшегося псевдонимом Печорин, "Запорожская улица".

"...Из ярко освещенных закрытых решетчатых окон несется звуки вальсов, полек и разухабистых песен охрипших "девиц".

К ярко освещенным огромным красным фонарем дверям подлетает изящный автомобиль, из которого выскакивают одетые в длинные гамаши англичане. Перед ними широко распахивает двери здоровенный швейцар.

— А сколько должен стоить ентакий ахтомобиль? — почтительно спрашивает один из стоящих группой извозчик у швейцара.

— Десять тысяч! — авторитетно заявляет вопрошаемый.

— Э-э! Кабы такие грибы, да у меня, купил бы у Мары Ивановны заведение.

К парадному ходу подъезжает закрытая карета. Из нея выходит какой-то старичок, который, оглядевшись, шмыгает к двери.

— Да ты, знаешь, Митя, у этого самого старичка-то уж внучата имеются, один сын дохтур, а другой — аблакат.

— Ну! И к Иосыке приезжает?

— Да не только он, но и сыновья, у которых жены имеются.

— Вот бестия!

...К утру, как только небо начинает бледнеть и звезды исчезать, улица постепенно замирает".

Керченская мещанка Марья Ивановна Кайданова, у которой упомянутый извозчик не прочь был приобрести "заведение", до запрещения домов терпимости в центральной части города держала таковой в Щепном переулке, который еще со времен, когда назывался Овсяным, по количеству явных и тайных этих заведений был под стать Кривой улице.

А на Кривой ее заведение располагалось в доме № 7, аккурат напротив дома терпимости Фельдмана, с которым она никоим образом не конкурировала, поскольку у каждого была своя клиентура, и хватало ее с лихвой. Правда, время от времени какой-нибудь постоянный клиент исчезал и оставшиеся верными заведению его приятели с усмешкой сообщали, что он, дескать, недавно обвенчался в Сретенской церкви в центре Нового базара и сюда уже не ходок, потому как состоит в законном браке. Но однажды один молчавший до поры до времени приятель неожиданно разразился цельным монологом. "Легкомысленные ваши усмешки, господа, тут совершенно ни к чему. Можно придти сюда к Марье Ивановне и без всяких хлопот получить то, что тебе сейчас нужно и от кого тебе сейчас нужно. А можно долго ухаживать за дамой, подносить ей цветы, ходить на свидания, укутывать ее плечи своим пиджаком, заглядывать в глаза и шептать нежные слова, прежде чем обрести с ней супружеское ложе. Равным образом можно отправиться с утра на Большой Фонтан, посидеть несколько часов на прогретой солнцем скале, наловить бычков и принести домой. А там супруга вымоет их, почистит, жарит на постном масле, выложит на тарелку и подаст тебе вместе с помидорами. И вкушай их в свое удовольствие за семейным столом. А можно отправиться в гастрономический магазин, купить жестяную корробку с красочной литографированной надписью "Бычки в томате" Черноморско-Азовской фабрики консервов Софьи Богдановны Фальц-Фейн на Балковской, 179, дома вспороть ее ножом и прямо из корробки скушать их на покрытом пожелтелой газетой холостяцком столе. Быстро это, легко, удобно и никакой возни. Только нельзя же

всю жизнь питаться одними консервами", — назидательно заключил он и... отправился с девушкой в ее комнату в втором этаже.

Марья Ивановна и Иося Фельдман не писали друг на друга доносы в полицию и не поджигали заведения друг друга. Более того, пребывали в самых добрых отношениях, при встречах любезнейшим образом раскланивались, если нужно было, помогали друг другу советом и делом, при необходимости пополнить заведения новыми девушками пользовались услугами одной и той же факторши Енты, которая тоже жила на Глухой улице. Если же какая-нибудь барышня в их заведениях забеременела, да они обращались к известной "абортных дел мастерице" Юлии Марковской, которая, впрочем, "обслуживала" все дома терпимости на Молдаванке.

Правилами содержания домов терпимости предписывалось содержательницам "устранять сих (беременных, — Р. А.) женщин от употребления" и строго воспрещалось "прибегать к каким-либо средствам для истребления начала беременности у публичных женщин". Но в большинстве случаев содержательницы домов терпимости, не желая терять состоящих в заведениях проституток, бесцеремонно принуждали их к абортам: "Кому ты, идиотка безмозглая, будешь нужна со своим байстрюком! Поддохнешь у меня под забором, но я тебя взад не возьму!" И так далее, и в таком же духе. А бедной женщине, большей частью приезжей, невдомек было, что на Старопорто-франковской, 24 есть Общество призрения младенцев и родильниц, а в Разумовском переулке, 4 — Дамское общество вспомоществования бедным родильницам, которое "оказывает вспомоществование бедным всякого вероисповедания родильницам, доставляет им возможность пользоваться медицинским пособием, необходимыми лекарствами, а также выдает денежные пособия". И калечили они себя, и счастья материнства лишались уже навсегда.

Однажды некий купец, фамилия которого затерялась на долгом пути этой истории в XXI столетие, обвинил Марью Ивановну в том, что его сын не где-нибудь, а в ее заведении от Матары, она же дворянка Елизавета Измайлова, Хаи Квас или какой-то другой девицы заразился дурной болезнью. Купец составил необходимую бумагу и подал ее мировому судье 15-го участка, в котором числилась Запорожская улица, Владимиру Леонидовичу Жеребко, а тот назначил разбирательство в своей камере, то есть помещении суда, на Госпитальной, 51. В назначенное время Марья Ивановна явилась туда в боа из страусовых перьев, которое видело лучшее времена, и с саквояжем коричневой кожи, с какими доктора делали визиты. Когда же судья спросил ее, что она может сказать в свое оправдание, Марья Ивановна вышла к судейскому столу с этим саквояжем, достала из него и показала "желтые билеты", из коих видно было, что все ее девицы регулярно подвергаются врачебному осмотру. "А что мне говорить, нехай лучше этот мусью, — она, не поворачиваясь к нему, театральным жестом показала на купца, — нехай этот мусью скажет своему наследнику, пусть не таскается по шлюхам!" Она имела в виду, что в ее заведении ничего подобного, постыдного и печального, просто не могло произойти. За отсутствием доказательств судья отказал купцу в иске, а студенты-юристы Новороссийского университета, которые для практики ходили на интересные заседания, наградили Марью Ивановну дружными аплодисментами и громким хохотом, потом еще долго повторяли: "Пусть не таскается по шлюхам!" Девицы же в ее заведении по этому поводу долго веселились и в который раз решили, что за хозяйкой своей они, как за ракушниковой стеной.

Дом терпимости Мары Ивановны Кайдановой был известен, пожалуй, не меньше, нежели такое же заведение Иосы Фельдмана, и так же, как оно, пусть одним только упоминанием, но осталось в литературе. А она хорошо "знает", мимо чего можно пройти, а что хорошо бы и оставить, чтобы не предстала Одесса перед будущими читателями полустертой монетой. В романе Льва Исаевича Славина "Наследник" молодой человек, первый в своей компании сверстников, с наступлением вечера вопрошает: "Джентльмены! Надо решать, куда мы сегодня идем. Маскарад, клуб или заведение Мары Ивановны?" И читатели — земляки и современники автора — понимали, о чем идет речь.

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ

Одесские корни профессора М.А. Гуковского

Я прочла отрывок из новой книги Ростислава Александрова до того, как он вышел в этом номере газеты. Прочитав слова: "С конца 1890-х годов на Глухой, 26, по нынешней нумерации, в доме мещанина Александра Гуковского был..." — я, даже не дочитав всю строчку, буквально подскочила от мысли, от догадки. Это отец Матвея Александровича?! Позвонила автору, который для нас уже более чем полвека просто любимый Саша, стала спрашивать о Гуковских. Саша прочитал мне долгий список известных ему Гуковских. В Одессе в XIX веке их было много. И я начала искать одесские корни Матвея Александровича Гуковского, которого помню по Ленинградскому университету.

Мне повезло в жизни, потому что есть о ком с признательностью сказать: "Наставником, хранившим юность нашу..."

Матвей Александрович Гуковский не был моим наставником в пушкинском понимании. Но он из тех, кого я часто с благодарностью вспоминаю.

На историческом факультете Ленинградского университета с первого курса студенты выбирали кафедры по интересам. Кто-то хотел стать после университета археологом, кто-то — заниматься античной историей, кто-то — западноевропейским средневековьем. На нашу кафедру истории искусства был конкурс. Из принятых на факультет вчерашних абитуриентов человек двадцать хотели стать искусствоведами, а взяли на кафедру семь человек. На упомянутых кафедрах бывало еще меньше. Не все выдерживали более углубленное погружение в древнегреческий язык и классическую латынь, чем тот курс латыни, которую мы тоже изучали. Медиевисты учили еще и средневековую латынь. Именно с сокурсниками, а порой с ассистентами и лаборантами этих кафедр я больше всего общалась.

Так, я иногда вырывалась на лекции Матвея Александровича Гуковского, который заведовал кафедрой истории средних веков и Научной библиотекой Эрмитажа. Мне так нравились его лекции, что через год, может, два я начала ходить на его спецкурс о Леонардо да Винчи. Прошло с тех пор полвека, но эти занятия у Гуковского, это волшебное погружение в эпоху — от ее великих и знаменитых личностей до драгоценных деталей и почти никому неизвестных людей, как Акатабрига (забияка) — кличка отчима маленького Леонардо, за которого была выдана его мать Катерина после рождения сына от почтенного нотариуса Пьетро да Винчи. И книги с изданными факсимиле рукописями Леонардо. Это были дары профессору Гуковскому из Италии — из Академии Леонардо (Raccolta Vinciana). Матвей Александрович прикладывал к страницам зеркальце и показывал, что только таким образом можно читать рукописи Леонардо — в их зеркальном отражении. Многие помнят.

Однажды он сказал, что за отличные успехи в гимназии родители сделали ему подарок — повезли в Италию. Первым городом была Ве-

неция. "Я с первого мгновения влюбился в Венецию и решил, что буду заниматься в будущем итальянской культурой!" Так и было. Только в любимой Италии ему побывать больше не пришлось...

В Италии я часто вспоминала Гуковского. И в фамильной церкви семьи Медичи Сан-Лоренцо, стоя над надгробной плитой Козимо Медичи. Гуковский рассказывал, что в мастерской Андреа Верроккио, куда 14-летний винчинец поступил учеником, как раз шла работа над этой плитой с кругами из белого мрамора на фоне темного — геральдическими знаками Медичи. Эта знаменитая семья происходила из ремесленников, коими и считались в те времена лекари. И, конечно, в Уффици, перед "Крещением Христа" А. Верроккио, где златовласого ангела написал его ученик, юный Леонардо.

Но особенно остро воспоминания нахлынули в Милане — и в Амброзиане, и в бывшей трапезной монастыря Санта Мария дельле Грацие с "Тайной вечерей" Леонардо. А особенно — в замке Сфорца. Двадцать лет провел Леонардо в Милане, при дворе Лодовико Моро. Я даже отправилась к каналам Милана, идею которых когда-то развивал мастер из Винчи. Хоть точнее — из Анкиано.

Милан — город с великим прошлым, динамичный, устремленный в будущее, осененный гением Леонардо!

Так что память о Матвее Александровиче Гуковском шла со мною рядом.

Однажды, узнав, что я из Одессы, Гуковский попросил передать привет своему собрату по несчастью Арону Моисеевичу Мерхеру.

И теперь о трагическом. В черные времена "борьбы с космополитизмом" Матвей Александрович и его брат, знаменитый литературовед Григорий Александрович были арестованы. Г.А. Гуковский погиб в тюрьме во время следствия, а Матвей Александрович получил 10 лет лагерей. Там, в Дубравлаге, в Мордовии, его сокамерником был Арон Моисеевич Мерхер, художник, до войны — директор Еврейского музея в Одессе. Вернувшись с войны, Мерхер уже не увидел своего музея. Работал преподавателем в художественном училище. В 1949 году был арестован и оказался в том же Дубравлаге. После освобождения работал библиокарьером в Одесском музее западного и восточного искусства. Так какое-то время я передавала привет, их теплые слова друг другу в Одессе и Ленинграде...

Я в своих прежних текстах упоминала Матвея Александровича Гуковского, но вновь взявшись "за перо" побудил интерес к одесским корням любимого профессора.

Начну с "мещанина Александра Гуковского". Он родился в Одессе, не нашла дату рождения, но узнала, что Александр Моисеевич Гуковский уже в конце XIX века жил в Петербурге, где и родились его сыновья Матвей (по еврейской традиции первая буква имени совпадает с такой же буквой в имени деда) и Григорий. В Петербурге он был известен как инженер-технолог, директор-распорядитель акционерного общества завода "Атлас" и директор правления общества "Вольта", затем — преподаватель в политехническом институте. Скорее всего, что и после отъезда в Петербург дом на улице Глухой оставался в его владении. Дом этот на бывшей Глухой, а с начала XX века — на Запорожской, не сохранился, на его месте — послевоенный дом. Но на Молдаванке, в том числе и на Запорожской, сохранилось еще много построек — ровесников дома, о котором идет речь. В книге Якова Майстрового "История Одессы в названии улиц" мне нравится комментарий: "Глухая улица получила свое название не потому, что она где-то на окраине города в глуши, нет, она носит лишь фамилию первого ее обывателя Ивана Глухого...". Из прошения домовладельцев и жителей Молдаванки в одесскую городскую Думу от 18.10.1901 года".

А Гуковских действительно в Одессе было много, упомяну хотя бы двоюродных сестер А.М. Гуковского — писательницу Гуковскую Меланию Леонтьевну, автора книги "Колдовство на Литве" (Ковно, 1900), и ее сестру Викторию Леонтьевну, увлеченную народническими идеями.

"24 июля 1878 г., после приговора над И.М. Ковальским (организатором революционного кружка в Одессе, — В. Г.), произнесла речь на Приморском бульваре в Одессе и участвовала в демонстрации протеста. Была тогда же арестована, но отбита демон-

странтами. Арестована вторично 14 авг. 1878 года и, просидев около года в тюрьме, предана суду. Одесским военно-окруж. судом 8 авг. 1879 г. приговорена к высылке в Сибирь. Поселена в Красноярск, где покончила жизнь самоубийством (повесилась) 1 марта 1881 года" (из Интернета). Ей было 17 лет. Бедная девочка.

Какие бывают совпадения. В этот же день, о чем она не могла знать, взрыв на Екатерининском канале в Петербурге — убийство Александра Второго.

Я продолжала поиски. Дальше, на мой взгляд, еще интереснее.

Российской Национальной библиотекой, в которой я в свои студенческие годы бывала очень часто, в Публичке, как мы говорили, был выпущен 4-томный Биографический словарь обо всех сотрудниках библиотеки со времени ее открытия. В том числе и об М.А. Гуковском

В 1920 — 25 гг. М.А. Гуковский был сотрудником Публичной библиотеки. И о нем подробнейшая справка, из которой я и узнала много интересного и удивительного.

Справка была явно составлена из архивных документов, из автобиографий, анкет, которые требовались в советские времена

М.А. Гуковский в 1917 году, окончив с золотой медалью классическую гимназию в Петербурге, наверное, по настоянию отца, в том же году поступил на механический факультет Технологического института. Боже, подумала я, читая справку, какого профессора мы могли лишиться, если бы он окончил Технологический институт!

Но случился октябрьский переворот, и юный Гуковский "в 1918 году вместе с семьей уехал к родственникам в Одессу. Поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Новороссийского университета. Темой занятий была история итальянского Возрождения, по которой занимался у академика Н.П. Кондакова, специализируясь на изучении творчества художника Мантеньи. ...Годы учебы совмещал с работой. В 1919 — 20 служил в Одесском опродкомгубе техником" — это всё из упомянутой справки РНБ.

В те страшные годы многие уезжали, а кто и возвращался, с севера на юг. Так, знаменитый ученый, византист, знаток древнерусского и западноевропейского искусства, академик Никодим Павлович Кондаков еще в 1870 году был избран доцентом кафедры истории искусств Новороссийского университета, в 1877 году стал профессором. С 1888 по 1897 год — профессор кафедры истории искусств Санкт-Петербургского университета. В 1917 году Кондаков вернулся в Одессу, потом были Ялта, Константинополь и, наконец, Прага.

Об этих океанных днях написано не только И.А. Буниным, но многими.

Вот стихи Семена Липкина об этих днях:

Одесса. 1919

*Разбит наш город на две части,
На Дерибасовской патруль,
У Дуварджоглу пахнут сласти,
И нервничают обе власти.
Мне восемь лет. Горит июль.*

*Еще прекрасен этот город,
И нежно светится собор,
Но будет холод, будет голод,
И ангелам наперекор
Мир детства будет перемолот.*

К каким родственникам отправилась из Петербурга в Одессу эта семья? Оставались ли в Одессе Гуковские? А, может, Хмельницкие, люди, вошедшие в историю Одессы? В сведениях о родственниках М.А. Гуковского сказано: дядя — правовед, историк адвокатуры и публицист Исаак Абрамович Хмельницкий.

Двоюродный брат — адвокат Александр Исаакович Хмельницкий.

Не останавливаясь в своих поисках, я нашла статью В. Левченко, написанную несколько лет тому назад к 145-летию И.А. Хмельницкого. Автор, говоря о судьбе героя статьи, пишет: "Судьба И. Хмельницкого сложилась так, что он дважды был женат. В первом браке его женой стала женщина из известной в общественных кругах Одессы семьи, "происходящей из революционного гнезда Гуковских". 18 октября 1889 г. в их семье родился сын Александр". Очевидно, дядя

И.А. Хмельницкий был женат на сестре А.М. Гуковского.

Неизвестно, чем был вызван второй брак, скорее всего, смертью первой жены, разводы все-таки были большой редкостью. Второй сын, Сергей, родился через 18 лет после Александра.

Сергей Хмельницкий из Одессы уехал в Ленинград в 1926 году, стал писателем, очень популярна была когда-то его историческая повесть "Каменный щит", написанная для детей, умер в 1952 году. Он среди родственников М.А. Гуковского не упоминается.

У его отца и брата была другая судьба.

Исаак Абрамович Хмельницкий после многих перипетий в своей жизни, в которой были и естественное отделение физико-математического факультета Харьковского университета, потом юридический факультет Санкт-Петербургского университета, который окончил в 1887 г. со степенью кандидата права.

В ноябре 1886 г. за участие в демонстрации, по случаю 25-летия со дня смерти Н.А. Добролюбова, был задержан полицией, некоторое время находился под арестом, после был вынужден покинуть столицу. Так в 1887 году он оказался в Одессе, где вскоре женился. Нужно было содержать семью, занимался частной практикой, так как шлейф неблагонадежного за ним тянулся с петербургских времен. К тому же и в Одессе он оставался социально активным человеком, чему способствовали не только юридические знания и практика, но и публицистический талант. Он публиковал свои статьи во многих одесских изданиях, в частности, таких как "Одесский вестник" и "Одесский листок", за пределами Одессы — в "Бессарабском вестнике" и в московских "Русских ведомостях". Всех изданий не перечислить. По-прежнему, как в молодости, придерживался социал-демократических взглядов.

Не стану перечислять юридические посты, которые занимал Хмельницкий в Одессе с установлением советской власти. На мой взгляд, интереснее его преподавательская деятельность. В начале 1922/23 учебного года был избран на должность профессора Одесского института народного хозяйства. И здесь судьба свела профессора Хмельницкого с молодым студентом, которому он не раз помогал. Этим студентом был Саул Боровой, ставший впоследствии известным историком. Не только одесситам, но прежде всего, конечно, одесским гуманитариям имя Саула Яковлевича Борового хорошо известно. И не забыто.

Как пишет В. Левченко в упомянутой статье, "Первый раз это произошло в период политики нэпа, когда советская власть приняла решение о плате за обучение некоторых групп студентов. С.Я. Боровой вошел в группу самой высшей категории, к которой относились дети нэпманов, а сумма такого взноса была бы совершенно непосильной для молодого человека, работающего в то время сотрудником библиотеки. От незаконной платы за обучение С.Я. Борового спас И.А. Хмельницкий"... И еще оттуда же: "...с "лёгкой руки" И. Хмельницкого и к большому удивлению С.Я. Борового появилась в печати первая за его подписью статья "Революционная листовка в Одессе 1917 — 1922 гг."

Старший сын И.А. Хмельницкого Александр, выпускник Новороссийского университета, начавший присяжным поверенным, во многом пошел по стопам отца. Активный участник революционных событий в Одессе, комиссар юстиции Одесской советской республики, затем — на таком же посту в Киеве. Умер в 30 лет от туберкулеза, подхватив воспаление легких в 1919 году.

Всем знакома улица Богдана Хмельницкого в Одессе. Но, думаю, что уже не многие помнят, что улица Садовая носила до войны имя Хмельницкого. Не Богдана. Из книги Якова Майстрового: "В ознаменование первой годовщины безвременной кончины первого наркомюста Украины А.И. Хмельницкого специальной комиссией, избранной для чествования его памяти, постановлено... 2) Садовую улицу назвать именем тов. А.И. Хмельницкого — 5.12.1920..."

Давным-давно вернули улице название — Садовая. Не сделали бы тогда, теперь переименовали бы, борясь "с коммунистическими символами". Но память человеческая не живет от указа до указа. В памяти, как и в истории, останутся и Гуковские, и Хмельницкие, останется Одесса, давшая миру тысячи замечательных людей.

Фото Нины Аловерт.

Вадим ПЕРЕЛЬМУТЕР

История одного доноса

...И за горстку денег продан
В переводчики поэт.
Георгий Шенгели.

Эта давняя история, случившаяся в середине прошлого века, по сию пору время от времени всплывает — фрагментами, вызывает вопросы, инициирует попытки включиться в уже туманную полемику, словом, никак не желает улететь в застывшую лаву "литературной борьбы" советского прошлого.

Я говорю о развернувшейся в 1948 — 52 годах полемике о переводе байроновского "Дон-Жуана", завершаемом Георгием Шенгели в сорок шестом и вышедшем годом позже в одиотомнике Байрона.

В записной книжке Шенгели есть запись, датированная двадцать вторым июня 1941 года: "Около 13 часов Г.С. Пиралов сообщил мне по телефону о бомбардировке немцами Житомира, Киева, Севастополя. Я переводил Байрона, когда Пиралов позвонил. Последние слова, написанные мною перед звонком, были: "Никто не ведает, как он покончит жизнь" (глава I, октава 133)"...

Шесть лет работы...

И можно не сомневаться — да и убедиться, что работа сделана на совесть. А мастерство Шенгели-переводчика уже давно в подтверждениях не нуждалось. Не говоря уже о том, что именно он — еще в начале тридцатых — и создал эту самую нишу стихотворного перевода, куда смогли укрыться вытесненные из советской поэзии Константин Липскеров и Владимир Державин, Марк Тарловский и Аркадий Штейнберг, Арсений Тарковский и Михаил Зенкевич, даже Пастернак с Ахматовой, да всех не перечислишь.

Поневоле возникло подозрение, нет, скажу мягче — предположение, что у той полемики могли быть причины свойства... не совсем

литературного, что ли... И захотелось разобратся.

О результатах того расследования я уже вкратце сообщал (см.: Георгий Шенгели. Иноходец. М., 1997, с. 30 — 31). Но совсем недавно молодой литературовед несколькими вопросами своими вернул меня к теме — и я не без удивления обнаружил, что некоторые существенные причинно-следственные переплетения происходившего шесть десятилетий назад не то чтобы ускользнули некогда от внимания, но не были более или менее внятно выявлены. О том и речь.

Осенью 1994 года в Литературном музее проходил вечер, посвященный столетию со дня рождения Шенгели. Пришел на него и мой старинный знакомый, замечательный, по-моему, переводчик Роберта Браунинга (да и других удач у него хватало) Владимир Владимирович Рогов. Он был уже серьезно болен, на костылях, перенес к тому же операцию на горле, голос потерял, писал записочки, выбраться на этот вечер на Петровку было ему ох как непросто, но Шенгели он глубоко почитал, числил себя среди его младших учеников. За несколько минут до начала вечера он меня перехватил — записочкой (она у меня сохранилась): "Кашкина будете ругать? Сильно?" Я честно ответил: "Буду. Сильно". Он написал: "Тогда я уйду". И ушел. Без обид — мы потом с ним встречались несколько раз, в частности, у падчерицы Шенгели Ирины Сергеевны Манухиной...

Рогов отлично знал, о чем будет речь. И знал, что возразить тут нечего, голос ни при чем, мог и запискою, кабы хоть какие-то более или менее сильные доводы существовали. Но он, повторю, знал, что доводов таких нет. И просто не хотел слушать, как будут ругать Кашкина. Ведь и Кашкин был его учителем.

Именно Кашкин и начал в сорок восьмом атаки на Шенгели. Первый выпад выглядел вполне профессиональным, в порядке вещей, ничего тревожного, Ну, прочитал человек, сам не чуждый занятию переводом (правда, прозы, американской преимущественно) поэму Байрона в переводе коллеги. Не понравилось. Взял оригинал, потом перечитал старый перевод Ивана Козлова, сравнил, сравнение представилось ему не в пользу нового перевода, ну, и написал про то. Однако статьей в газете дело не ограничилось. Состоялось обсуждение работы Шенгели на заседании секции художественного перевода Союза писателей. И тут критик оказался в совершенном меньшинстве.

Илья Сельвинский переводом восхищался, говорил, что выполнен оный поэтом, прекрасно владеющим своим ремеслом, что есть там "вещи гениальные". Правда, и без легкого укора не обошелся — тяжеловат, дескать, местами перевод, подчас проигрывает "акустике стиха" у Байрона,

Сигизмунд Кржижановский говорил, что впервые в переводе Байрона — "блеск", что в стих нового перевода вместились много больше, нежели достигалось в старом: "На два поворота мысли у Козлова, у Шенгели — четыре — пять".

В том же духе высказывались Алексей Джигелев, Евгений Ланн, Абрам Аргон и другие. И только Иван Кашкин упорно стоял на своем, так толком ничего и не оспарив.

Чтобы оправиться от сей неудачи, Кашкину понадобилось почти три года. В пятьдесят первом он печатает в "Литературке" еще одну статью о "Дон-Жуане". Теперь Шенгели у него — "буквалист", который чересчур рабски следует за оригиналом, утяжеляет поэтому и выхолащивает поэзию Байрона. И одновременно допускает в работе "переводческое своеволие"

(читай: сознательные отступления от английского текста), в результате некоторые содержательные мотивы поэмы искажаются, в частности, образы Суворова и русских солдат.

То, что "буквализм" и "своеволие" — антонимы, критика не смущает, его задача — не логику тут разводить...

В новой статье уже звучит сигнал тревоги: искажение классики, да еще упомянутых "образов", в ней обитающих, дело нешуточное, тут и до "оргвыводов" недалеко. К литературной полемике подмешивается политическая, как бы невзначай, совсем немного, но время таково, что в желающих возжечь пламя из этой искры недостатка нет.

Шенгели отбивается аргументированно, жестко, но... печатать его ответы на критику газеты/журналы не хотят.

Наконец, в пятьдесят втором одна за другой появляются еще две статьи Кашкина — в "Литературной газете" и "Новом мире". Теперь уже речь ведется не только о Шенгели и о Байроне, но о засилии в художественном переводе "буржуазных" переводчиков "старой школы", которые "точным" ошибочно называют перевод буквальный, то есть заведомо не способный передать идейно-художественное единство оригинала...

Дальше — больше. Оказывается, засилье "переводчиков-эмпириков" и "переводчиков-формалистов", а попросту говоря, переводчиков "русскоязычных" (термин, изобретением которого так гордился В.В. Кожин, на поверку — банальный плагиат, возражение, что Вадим Валерианович мог и не читать Кашкина — пустое, он был человек начитанный, да и зять Ермилова, который с Кашкиным знаком был накоротке), то есть людей с нерусскими фамилиями, с "нерусским синтаксисом и неправильным употреблением отдельных слов" — называются при этом лишь двое:

Третий век загробной жизни барона Мюнхгаузена

Двухсотлетие со дня смерти "исторического" барона Карла Фридриха Иеронима фон Мюнхгаузена (1720 — 1797) почти совпало с завершением второго тысячелетия новой эры и дало весомый повод подвести своего рода итоги, поразмыслить об одном из самых удивительных феноменов в истории европейской культуры. И отсчет не от рождения, но именно от кончины здесь вполне оправдан. Это — момент, если угодно, окончательного превращения реально существовавшего человека в литературного, шире — в мифологического героя, "загробная" судьба которого — под стать историям, его прославившим при жизни.

Биография барона для XVIII века вовсе не уникальна. Люди нередко живут похоже друг на друга — и разница между ними обнаруживается лишь в том, как они пользуются плодами прожитого и пережитого.

Юношей Мюнхгаузен, будучи пажом в свите герцога Брауншвейгского, попал в загадочную, влекущую любознательных европейцев Россию — и надолго остался в ней.

Подобно многим своим соотечественникам, он искал не столько приключений, сколько светского успеха и служебной карьеры, тем более вероятных, что в России к иностранцам явно благоволили. Выдающегося успеха барон не добился, однако и неудачливый его не назывешь.

Двадцатичетырехлетним он командовал в Риге караулом, встречавшим княгиню Елизавету Анхальт-Цербтскую и ее дочь Софию Фредерику Августу, будущую императрицу Екатерину II. Затем участвовал в русско-турецкой войне, проявил себя храбрым воином и находчивым командиром. К тридцати годам дослужился до ротмистра — свидетельствующая об этом грамота, подписанная Елизаветой I, разумеется, сохранилась среди его бумаг.

Пожил в обеих российских столицах, поездил по городам и весям, благодаря живому и общительному нраву свел множество разнообразных знакомств. И не слишком преуспевший материально, но богатый впечатлениями, выйдя в отставку, возвратился в свой замок Боденвердер.

Вскоре среди ближних и дальних соседей распространилась слава о хозяине, щедро потчующем гостей добрым вином, отменной едой и занимательными рассказами о невероятных приключениях.

Без десятилетиями российской жизни того Мюнхгаузена, которого узнали современники — и которого знаем мы, попросту не было бы.

В этой terra incognita, в России, по мнению европейца, там не бывавшего, возможно всё, что невообразимо в Европе.

Спрос рождает предложение: Мюнхгаузен так и представлял Россию своим слушателям. Можно сказать, что он на свой лад знакомил с нею, гиперболизируя — и тем самым подчеркивая — ее особенности. Обильные снегопады — церковная колокольня, господствующая над окрестными строениями, от которой над снегом виднеется лишь кончик креста. Мороз, от которого даже звук замерзает в рожке ямщика. Безмерные пространства, которые можно преодолеть разве что с фантастической скоростью. И так далее.

Обманчиво-простодушные фантазии барона, если взглянуть и вдуматься, свидетельствуют и о знакомстве с немалочисленными "Записками" европейских путешественников по России, его предшественников. Мюнхгаузен как бы собирает воедино, почти до неузнаваемости преломляя собственным воображением, всё необычное, бросающееся в глаза европейцу, он словно выковыривает изюм из их булок: невероятности, которые были у них приправой, у него становятся блюдом.

При этом некоторые гиперболы в историях барона — не просто литературного, но, можно сказать, античного происхождения, о чем по сию пору не задумывались, вероятно, из-за демонстративной внелитературности Мюнхгаузена. Чем, например, замерзший в рожке звук или поглотивший колокольню сугроб так уж отличаются от описаний из "Скорби" Овидия, где дождь, не долетая до земли, превращается в подобные мраморным ледяные колонны, а вином торгуют, откалывая куски от глыб, заледеневших в формах кувшинов?

Овидий описывал римлянам юг современной Молдовы, Северное Причерноморье. Мюнхгаузен изображал Центральному России обывателям окрестностей Гамельна и Ганновера...

Увлечательные устные рассказы существуют во все времена, однако редко доходят до потомков, разве что едва различимым эхом.

Не то — с Мюнхгаузеном.

В восьмом номере берлинского журнала "Путеводитель для веселых людей" (Vademekum für Lustige Leute) на 1781 год появилось шестнадцать рассказов, автор которых укрылся за аббревиатурой M-H-S-N. А в девятом номере на 1783 год — еще два.

Сам барон взялся, наконец, за перо либо один из его слушателей — и, вероятно, не без согласия рассказчика — изложил услышанное, как сумел, впоследствии выяснять не удалось. Доподлинно известно лишь то, что Мюнхгаузен ни в какие споры об авторстве не вступал. Ни тогда, ни два года спустя, когда известный литератор и ученый Р.Э. Распе обработал, перестроил, дополнил и, переведя на английский, выпустил — под своим именем — в Лондоне книгу рассказов барона Мюнхгаузена.

Парадоксальное это появление немецкой книги сперва в Англии и по-английски оказало заметное влияние на ее дальнейшую судьбу. Английский читатель, уже знавший гениальную книгу Свифта, успевший сжить-ся с Гулливером и попутствовать ему в необыкновенных путешествиях, был совершенно готов принять, признать, полюбить Мюнхгаузена. Немецкого барона, который, подобно Гулливеру, отправился в неведомое, где может встретиться — и случиться — всё, что угодно.

Издание следовало за изданием, в каждое следующее Распе вводил поправки и дополнения, в частности, пятое пополнилось "Вторым путешествием на Луну", явной переключкой с Гулливеровским государством лапутян.

Мюнхгаузен, кстати, упоминает Гулливера, начиная рассказ о этом своем путешествии...

А вскоре совершилось еще одно путешествие Мюнхгаузена: вместе с книгой он переместился с острова на континент, из Англии в Германию. Немецкий перевод второго английского издания (1786) осуществил автор знаменитой "Леноры", один из вождей "Бури и на-

тиска" Г.А. Бюргер. Как отнесся к этому всплеску славы барон Мюнхгаузен — неизвестно.

Судя по некоторым сведениям, он был знаком и с первым, и со вторым своими соавторами. Оба у него в гостях бывали, вероятно, слушали его рассказы. И обоим он пережил.

Кстати, то, что при живом бароне два писателя издавали и, дополняя, переиздавали его рассказы, вероятно, создавало у читателей впечатление, будто вечера в Боденвердере продолжают.

Смерть Мюнхгаузена прошла незамеченной. Европе было не до него. Ее внимание целиком поглотила Великая французская революция, разразившаяся явлением Наполеона.

Не потому ли, кстати говоря, Франция была — и остается — единственной европейской страной, где три четверти века не было полно — взрослого — перевода этой книги? А когда он, наконец, появился, никакого впечатления на читающую публику не произвел и вскоре был позабыт — еще почти на полтора столетия.

И только на излете двадцатого века, когда в издательстве "Verdier" запланировали выпуск перевода повести Сигизмунда Кржижановского "Возвращение Мюнхгаузена", был — в помощь будущим читателям повести — переиздан старый (к сожалению) перевод "Приключений Мюнхгаузена" Г. Бюргера. Впрочем, и на сей раз "оригинал" заметного успеха не обрел...

Думается, барону во Франции не повезло, так сказать, исторически.

Перед Великой своей революцией французы вдоволь нахотались с Вольтером, в добавочных поводах к смеху у них не было нужды.

А после — и надолго — стало не до веселья. Тем интереснее, что эхо того первого издания, не услышанное во Франции, разнеслось по всей остальной Европе: оно дало миру хрестоматийный облик барона — в иллюстрациях Гюстава Доре...

Возникновение книги о Мюнхгаузене после трудов, составивших славу немецкой философии, после обозначивших завершение "Бури и натиска" "Страданий юного Вертера" Гёте, "Леноры" Бюргера и "Разбойников" Шиллера ретроспективному взгляду представляется естественным и логичным. Напряжение философской мысли и романтического прорыва во внутренний мир чело-

Шенгели и Ланн — ведет к идейному искажению классики, более того, к сознательному искажению образов Суворова и русских солдат в "Дон-Жуане", что "является профанацией, оскорблением национального достоинства русского народа, той национальной гордости великороссов, о которой писал Ленин"...

Опасность становится — без метафор — смертельной. Горячая любовь Сталина к Суворову общеизвестна. К счастью для Шенгели, Сталину уже не до Суворова. Жить ему оставалось — всего ничего...

Сергей Васильевич Шервинский рассказывал мне, как однажды ему позвонил очень взволнованный Шенгели и попросил разрешения срочно приехать. Явился запыхавшийся и сразу к делу: он оскорблен статьей и решил вызвать Кашкина на дуэль. Шервинский осторожно поинтересовался — почему с этим Георгием Аркадьевичем пришел именно к нему. И услышал в ответ: "Ну как же! Ведь вы — дворянин. И должны знать, как это сделать". И так твердо это прозвучало, что Шервинский не усомнился — всерьез. Что, конечно, куда опаснее для Шенгели, чем кашкинская статья-донос. И заговорил рассудительно. По-дворянски. Дуэль с донощиком, сказал он, для дворянина невозможна. Она — бесчестие, признание равенства с противником. И добавил: "С дворянками не стреляются".

"Доносом" называл кашкинскую статью и М.Л. Гаспаров...

Во всем этом деле бросаются в глаза три странности.

Первая — с чего это вдруг Кашкин, переводчик, повторю, преимущественно американской прозы XX века, и признанный мастер этого перевода, у него и своя школа есть, и репутация кашкинской школы была высока, оставалась такой и после смерти основателя своего, с чего это вдруг он, в сколь-нибудь серьезных попытках поэтического перевода не замеченный, взялся критиковать перевод стихотворный, да еще из английской классики века девятнадцатого? Что ему Байрон? Что он Байрону?..

Странность вторая — почему из всех переводчиков этой самой классики Кашкин выбрал именно Шенгели? Неужто у других не смог най-

ти "промахов" более очевидных, вопиющих?

Третья — почему в первой своей статье и при первом обсуждении только что вышедшего "Дон-Жуана", в сорок восьмом, ни словом не обмолвился ни о "Суворове", ни о "русских солдатах", а встал на их защиту только в пятьдесят первом, гневную же филиппику, которая процитирована, разразился в пятьдесят втором, через пять (!) лет по выходе книги?

На два первых вопроса — один ответ: потому и Байрон, что переводил его Шенгели. А устранить Шенгели, по мнению Кашкина (статьи в том сомнений не оставляют), следовало, чтобы расчистить место для себя и своих учеников-воспитанников в переводах английской классики.

Об этом мне говорили и Левик, и Штейнберг, да и Рогов не спорил.

Подобное, кстати, происходило тогда же, хотя не столь явно, и вокруг переводов классики немецкой, то бишь затронуло два наиболее актуальных — после войны — языка...

Любопытно, что до пятидесяти второго года в своих критиках Кашкин имен переводчиков "старой школы" не называет. Кроме Шенгели. И только в пятьдесят втором добавляет к нему переводчика английской прозаической классики — тоже русскоязычного — Евгения Ланна.

Выясни — кому выгодно, поймешь — что произошло.

Можно заметить, что в сознании историков литературы подчас предмет их трудолюбия существует не то чтобы отдельно от истории как таковой, но словно бы автономно, вне тесной — логической — связи. То есть они, разумеется, знают, что отношение власти к литературе — с первых же большевистских лет — было насквозь политизированным, разгром ГАХНа и РАППа на рубеже двадцатых — тридцатых годов и создание четыре года спустя Союза писателей, а затем и других творческих союзов, зорко контролируемых государством, лишь утвердили эту истину.

И вот как это выглядит применительно к оппозиции Кашкин — Шенгели.

В середине двадцатых годов, когда двадцатипятилетний Иван Александрович Кашкин (он всего на пять лет младше Шенгели) приходит в перевод, политический приоритетное

обреченный остаться фактом истории литературы, не более того, Мюнхгаузен выходит далеко за ее пределы. А его популярность в XX веке еще выше, чем прежде. И странным образом к ней добавляется актуальность.

"Вопросительный знак — это состарившийся восклицательный". Потомки видят не то, что современники, иначе расставляют акценты и прочитывают метафоры.

Освободившись от старых мифов, сознание человека XX века оказалось во власти мифов новых, пусть отдаленных, но все же родством связанных с прежними. И оно ищет союзников — для освоения фантастического пространства действительности.

Постоянные столкновения с политической, например, предвыборной мюнхгаузениадой, неоднократным — задним числом — переписыванием истории и ее героизацией и тому подобное, естественно, и сохраняет, и усиливает интерес к Мюнхгаузену, чьи гротескные подвиги соседствуют с убийственной иронией в адрес властителей и полководцев, тем более великих, чем больше чужих жизней погубили.

Не только в Боденвердере, но в других германских землях можно встретить неожиданно "классический" памятник этому герою — верхом на половине коня, тщетно пытающейся утолить жажду, чтобы снова броситься в беспощадную битву, А в это самое время вторая половина коня с неменьшей страстью предается занятию противоположному — жизнотворит, покрывая мирно пасущихся на лугу, вдали от сражения, кобыл...

Столь же неожиданно отзвуки приключений барона обнаруживаются в пространстве и времени, в делах и мыслях, казалось бы, весьма отдаленных от сего персонажа.

Скажем, тоннели, соединившие японские острова Хонсю и Хоккайдо (1988) и Францию с Англией (1994), чья не реализация Мюнхгаузенова проекта соединить подводным тоннелем Турцию с Европой?

А вытаскивание себя за волосы из болота, да еще и вместе с конем, — не выглядит ли ныне чисто экзистенциальной метафорой?

Ну, и так далее...

Разумеется, не случайно первой (и неизменной, долгой) любовью стал Мюнхгаузен и для искусства XX века — кинематографа.

Первой — потому что первым из множества классических собратьев своих барон появился на киноэкране. В 1902 году.

направление литературного англоязычия в Советском Союзе — американское. Это времена "Армторга" и "романов" большевиков с Хаммером, Фордом и проч., тем более бурных, что Европа, бывшая к большевистской реальности куда ближе, чем Америка, в первое послеоктябрьское десятилетие довольно жестко "держала дистанцию", экономических связей с новой Россией, мягко говоря, не одобряла. Американский бизнес от государства менее зависим — не просто мешать кому-то, кто на вложенный в Россию доллар получает пять, а то и десять, на порядок сложнее, когда счет идет на миллионы...

И каких только американских авторов в эти годы ни переводят! Глянуть в библиографию, перечитать слезные страницы из "Дневника" Чуковского, мучавшегося над Синклером и др., — некоторых из тогда изданных по-русски авторов ныне в истории американской литературы без микроскопа не сыщешь. Есть, конечно, и "крупные рыбы", не без того, но они — единичны.

И молодой Кашкин — "американист". Он первым вскопал на этого мустанга — и угадал: к началу тридцатых у него уже "школа", работы прорва, только рекрутируй переводчиков да руководи ими...

В тридцатых годах — и того лучше. "Великая депрессия", ярче всего явленная опять же в США, припала в масть большевистской идее мировой революции, неизбежности всемирной победы коммунизма — уж коль скоро Америка (читай: флагман капитализма) так загнывает...

Не случайно ведь, к слову, Олеша в тридцать шестом, выступая на писательском собрании, осуждающем Шостаковича за "сумбур вместо музыки", никого из "своих" не закладывает, а примеры отрицательные приводит исключительно из литературы американской. Она — "в ходу": ничего не надо объяснять и пересказывать...

Во время войны Кашкин — и сам военный переводчик (на связи/контакте с союзниками), и готовит военных переводчиков, некоторые из них потом работают в Нюрнберге. Будущее — литературное — представляется ему безоблачным.

Однако весной сорок шестого — после Фултонской речи Черчилля — ситуация резко

меняется (борьба с "низкопоклонством перед Западом", а затем и с "безродными космополитами" — прямое следствие той речи, о чем, на мой взгляд, внятно до сих пор не сказано).

Позиции в переводной литературе сохраняют лишь западная классика, а из авторов современных в ней уцелевают одни "прогрессивные", причем меру этой "прогрессивности" оценивают исключительно "контролеры" из ЦК партии. Они же время от времени штучно пополняют список лояльными к СССР литераторами-современниками (и вымарывают из списка тех, кто позволяет себе критически высказаться о происходящем в "Стране советов").

Американистам, таким образом, остаются литераторы в диапазоне, условно говоря, от Теодора Драйзера до Говарда Фаста. Богатое поле деятельности для Кашкина и кашкинцев, а?

Тогда-то и начинается — и нарастает с сорок восьмого по пятьдесят второй — их наступление на позиции переводчиков классики, прозы ли, поэзии — не суть важно.

Так что Кашкину было что делить с Шенгели. Но он не делил — он вытеснял.

Он целит, я бы сказал, в самый центр мишени — в одну из самых весомых фигур в художественном переводе.

Напомню, что в сорок восьмом — после ареста всего Еврейского антифашистского комитета — "космополитизм" окончательно трансформируется в антисемитизм. Про то, что Шенгели — кварталон, Кашкин мог и не знать, хотя Шенгели этого никогда не скрывал, но рядом с ним — Ланн (Лозман), который с женой своей, отличной переводчицей А.В. Кривцовой, очертил обширные уголья в английской классике прозаической, к тому же — давний друг Шенгели, на его защиту Шенгели, ясное дело, бросится — и подставится...

В пятьдесят втором — суд над Лозовским, Маркишем и другими. Приговор понятен до суда. Со всеми поэтами, сидевшими на скамье подсудимых, а их тут большинство, Шенгели хорошо знаком: это в его редакции Госиздата выходили их книги...

А тут еще и "Суворов"...

Самое время для доноса.

Кашкин рассчитал точно. Но ему не повезло. Сталин подвел. Помер...

Нюрнбергским судом — по требованию советских представителей — фильм был запрещен и на много лет упрятан от публики. Хотя никакой такой "агитации и пропаганды" там нет и в помине, в чем ныне убедиться нетрудно...

Из послевоенных киноверсий стоит, по-моему, отметить чешскую (режиссера Карела Земана, 1961), соединившую — "на равных" — приемы игрового и анимационного кино и премированную за это в Канне.

И звездный час Григория Горина и Марка Захарова — "Тот самый Мюнхгаузен" с неотразимым Олегом Янковским (1979). Здесь и приключений-то нет, они давно уже стали историей, о которой говорят, в которую не верят — и чем настойчивей не верят, тем больше говорят. Просто потому, что рядом с говорящими... тот самый Мюнхгаузен...

Кстати, о финале фильма. О том, как барон отправляется на Луну. Во второй раз.

Горин, разумеется, внимательно читал книгу и знал, что Мюнхгаузен побывал на Луне дважды. Сначала, так сказать, по необходимости, потом — волею обстоятельств. И что пушка тут ни при чем: на ядре он летал "горизонтально" — с ином целью и тоже дважды, туда и обратно. А из пушки на Луну отправил трех своих героев Жюль Верн. Через три года после выхода первого французского перевода книги о бароне (а первый фильм по этому роману был снят почти одновременно с первым "Мюнхгаузеном", в том же году).

Но ведь и барон мог бы...

В последние десятилетия прошлого века и лента эта, и ее создатели стали желанными, любимыми гостями в Боденвердере.

Позже было американское зрелище, где возмущенный барон брался опровергнуть выдумки авторов книг о нем и... увязал в дежа вю.

И так далее.

Последний (пока) "Мюнхгаузен" появился на экранах два года назад.

А всего мне удалось насчитать более двух десятков фильмов — за сто с лишним лет. Впрочем, полагаю, мой список не полон...

Барон Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен вовсе не спешит в почетную ссылку — историю. Ему, похоже, еще не наскучило быть современником очередных потопов. И, по всему судя, нескоро наскучит путешествовать в будущее, где чувствует он себя, как в собственном замке...

века уступило место иронии, небывальщине, бурлеску.

Истории барона Мюнхгаузена выглядели собранием великолепно выдуманных фантазий-курьезов, увлекательным чтением, где современники с удовольствием опознавали намеки на исторические события и пародии на известные им сюжеты, вплоть до библейских и "житийных", вроде оленя с вишневым деревом на голове — иронического двойника оленя святого Губерта с крестом между рогами, что в религиозных условиях Германии было и более привычным, и менее рискованным, чем в иных христианских странах.

Весьма любопытно и то, что в качестве автора-героя "низкого" жанра немецкой городской литературы — шванка — выступает барон. Прежде он обитал бы в литературе иного ранга и толка. Но дворянская эпоха клонится к закату. XIX век — ее агония...

Понятно и то, что едва ли не более популярным, чем в Германии, сей персонаж стал в России, где книгу тут же стали переводить и бесцельно переиздавать и где она вызвала смех поистине гомеровский, одновременно служа поводом к морализаторству на тему хвастовства и вранья...

Однако по мере углубления в XIX век отношение к Мюнхгаузену и его рассказам менялось. Чем дальше уходил во времени персонаж от своего автора, тем заметнее было, как этот, казалось бы, сугубо национальный образ-миф поистине триумфально входит в европейскую культуру, становится в ней одной из заметнейших фигур. По всем приметам

Владислав КИТИК

Выйти замуж за мента

Галина Остроухова была словно создана для земного счастья. Она имела квартиру, оставшуюся после развода как трофей, высшее образование, работу. Наконец, сохранила притягательную для мужчин внешность. Но — мужа у нее не было.

Насколько это ее удручало, знала только школьная подруга.

— Вся твоя беда, Галка, что ты ни с кем не живешь, — говорила она, отпив мартини. — Делаешь психокоррекцию поля, всякие там тесты соискателям удачного брака... Шоковую терапию им не предлагала?

— Да, мужики теперь с проблемами, — неспешно согласилась Галина.

— Вот именно: где их взять, беспроblemных, — энергично раскрыла пальцы Шура. — Но и с такими бы пофлиртовала. Роман бы закрутила с кем-то из своих шизиков.

— Пациентов, Шурочка, — с улыбкой поправила Галина. И вздохнула. — Отвыкла.

— Нужную квалификацию теряешь! Рыцаря ждешь? Увянешь раньше, чем до тебя доскачет принц сиреневый.

— А тебе с твоим ментом хорошо? — прищурилась Галина.

— С майором! — вскинула плечи Шура.

— Он тебе конфискует приносит? — съязвила Галина, скрывая проступавшую исподволь зависть.

— Не умничай, Остроухова! Тебя уже развозит. Еще фужер за ушедшую молодость — и сладкий тебе иллюзий. А я к своему пошла.

Дверь закрылась. Затихли сходящие по ступеням шаги.

Галина зажгла бра и в тусклом свете почувствовала, что ей страшно одной в пустых комнатах. Привычка спать при свете не помогала. Мерещилось чье-то присутствие. Она закуталась в халат и, спасаясь от ночной тишины, включила телевизор.

— В городе меняется картина преступности. От участвовавших случаев уличного хулиганства пальма криминального первенства перешла в сферу квартирных краж... — тараторила хроникеру МВД белобрысая девочка с погонами.

Галина окинула взглядом дорогой интерьер: "Шурке в этом отношении проще: к ее менту в дом не сунутся..."

— ...не открывайте и не впускайте незнакомых медсестер, монтеров, социальных работников. Уходя, создайте в доме видимость нахождения лиц, проживающих на данной площади... — частила представительница милицейского ведомства.

— И храните деньги в сберегательной кассе, — ехидно бросила Галина.

— ...и не надо стесняться обращаться в органы, — перебил голосок девочки с телеэкрана.

Наутро Остроухова поднялась разбитой. Из зеркала на нее глянуло уставшее лицо, явно требующее реставрации.

"Шурке надо позвонить", — подумала она.

— Считаю, что помирились! — наполнялась трубка решимостью подруги. — Теперь слушай: я с моим Гороховым говорила. Надо тебя с его товарищем познакомиться. Они одноклассники. И тогда ни одна зараза к тебе в дом не полезет. Как план?

— Одноклассник. Господи, дожила, — коснулась виска Галина. И азартно засмеялась. — А давай!

Петрухин пришел по гражданке. Пиджак неловко сидел на его плечах, привыкших к мундиру. Галстук явно жал, а цветы он преподнес неумело.

"Такими ручищами только показания выбирать и в протоколах точку ставить", — подумала Гала. И мило улыбнулась:

— Проходите.

Щелкнула дверь.

— Слабават замок-то, — заметил Петрухин.

— Санек, отставить! Ты не на службе. Ты с дамой пришел знакомиться, — начальственно сказал Горохов и по-хозяйски плюхнулся на диван.

— Ну, доставай, чего принес, — подмигнул он. — У нас тут еще один букет есть. О столике стукнули донышки коньяка и "Букета Молдавии".

"Откуда вино? — подумала Остроухова и стала помогать Шуре расставлять посуду. — Из-под полы в ментовском буфете брал? Или изъездил у спекулянтов? У, нарушитель!"

— Гой-ти-соло, — перебирал между тем Горохов корешки книг на полке. — Гой ты, сало! Расул Гамзатов — рассол Гамзатов. Ефремов. Да, был такой бандит Ефрем. Легендарный человек.

— Жулик? — не зная, как поддержать разговор, спросила Галина. И увидела одобрителный взгляд подруги: "Работай, психолог".

— Да нет, этот покруче был. А вот мошенника-лекаря мы вчера поймали. Одиноким старушке пообещал ноги вылечить, надо только, говорит, над подагрой пачкой денег помахать. Ну и маханул три тысячи, — захохотал Горохов.

— А откуда он знал, что старушка одинокая? — с любопытством спросила Галина.

— Да просто, — включился в разговор Петрухин. — Смотрит, в прихожей нет мужских вещей, тапочек большого размера или куртки. Жулики ведь тоже психологи.

— Милиционеры из розыска, наверное, тоже, — лукаво спросила она. И увидела вместо ответа утвердительную улыбку и разведенные открытые ладони:

— Стараемся.

"Ой! Как для объятий", — отметила она про себя и вдруг почувствовала, что чуть не подавалась вперед. Правда, сдержалась, поправила платье, скользнув ладонью по бедру. И поспешила на кухню. При выходе она инстинктивно бросила на Александра взгляд чрез плечо.

Утром Галину разбудил звонок

— Ну что, как он тебе? Влюбилась?

— Да ты что! Я другое подумала: не купить ли мне тоже башмаки 45-го размера, чтоб стояли в коридоре. Залезет грабитель, увидит и решит, что в доме мужик серьезный. И побоится.

— Ты бы еще гирию купила, чтобы вор подумал, будто у тебя муж — качок.

"Кстати, это мысль! Только туфли надо брать не в "Милане", а ношенные", — рассуждала Галина, садясь за руль. Светло-серый "Опелек" развернулся и покотил в сторону старьевки.

Полуботинки стояли на расстеленной газете. Распотанные, большие, как баржи, но крепкие, словно тот, кто носил их, твердо стоял на ногах. Рядом с ними ее лодочки казались изящной миниатюркой.

— Берите, гражданочка, не пожалеете. Ваш муж в таких до Винницы сходит и назад вернется, — дохнул на нее перегаром продавец. Она невольно отвела лицо. И взгляд упал на грязную доску, которую плотно вдавила в асфальт пудовая гирия.

— А это сколько стоит?

— Замечательный подарок мужчине. Для вас — за сотню.

— С доставкой?

— А с доставкой до багажника — еще на магарыч, то есть столько же! Шо, несем?

Галина раскрыла кошелек.

"Еще бы новый замок поставить", — проплыло в ее головке перед сном. И она уютно свернулась под пледом.

Между тем Петрухину не спалось. Какая женщина! Она совсем не походила на его подчиненных в юбках, ходивших строевым шагом и матюкавшихся в курилке. Шаркая тапочками по холостяцкой малометражке, он подходил к зеркалу. И с досадой отворачивался: разве такой человек ей нужен?!

Как? Как с ней еще встретиться? Под каким предлогом позвонить? При виде ее зеленых пронизательных глаз он терял всю свою профессиональную уверенность. Пойти к ней на тесты? Глупо! Пожаловаться на проблемы? Нет у него проблем. Он молодой и здоровый мужик, который нравится женщинам...

"Надо ее шокировать! Только так!" — определил он.

— Шура, Шурочка, — рыдала Галина в трубку. — Украли всё. Драгоценности, деньги, что я отложила. Взяли даже эти дурацкие туфли и гирию. Представляешь? Унесли!

— Звони в милицию!

— Они же скажут, надо было замок хороший ставить. Спросят, кто! Искать незнакомо-го — безнадежно.

— Тогда звони Петрухину.

— Он трубку не берет, — глотая слезы, кричала Галина. — Куда он уехал, если он здесь нужен?

— И-ди-от! И-ди-от! — в такт словам гремел кулаком по столу Горохов. — Петрухин, это же подсудное дело. На нары захотел!

— Да не нужны мне ее безделушки. Я же только, чтобы с ней сблизиться, — бормотал Петрухин.

— А она сейчас заявит, районные приедут, и конец тебе! Марш к себе. И чтоб ни шагу из кабинета.

На пороге раздался трелью звонок:

— Петрухин, родненький, помогите.

— Галочка, золотая моя, да я ради вас... да всех бандитов пересажая, — воодушевленно выкрикивал он, сжимая в кулаке трубку. — Я воруягу этого лично поймаю. Уши надеру. И все-все верну: и ваши деньги, и бусы, все, и кулончик с Нефертити. Галочка, не ходите никуда. Ждите меня. Я скоро. Главное: никому больше не звоните, — уже с нажимом добавил он. И, лавируя между автобусами, мопедами, иномарками помчался домой. Холодный вечерний ветерок с моря врвался в салон и остужал голову.

— Та-ак, — приговаривал он, доставая из секретера все взятое вчера днем из квартиры Галины. Деньги. Цепочку. Шкатулочку с кольцами, бусы из жемчуга. Не сразу смог поддеть пальцами изящный золотой восьмигранник со вставленным в середину барельефом древнеегипетской царицы. — Стоп! Как я мог о нем знать? Ведь когда Шура нас знакомила, на Гале были жемчужные бусы и браслетик. А кулон этот хранился у нее в стеклянной пудренице, как и у всех, между простынями в шкафу. Там же, где и доллары... — краская стыда и досады залила его аккуратно выбритые щеки.

"Эх, Сашуня", — жестко сжал зубы Петрухин. Теперь не имело смысла создавать видимость трудного детективного поиска. Он превращался в фарс, интрижку. Петрухин рывком застегнул сумку, уже не зная, с вещами или с вещественными доказательствами

которой состоялась 22 марта этого года в рамках постоянно действующей Одесской гостиной. Премьера собрала много гостей и была встречена с большим интересом. Сценарий композиции написал автор повести. Успеху премьеры способствовало прекрасное исполнение актерами Еленой Строгановой и Игорем Казацкером. Авторы музыкальной программы и исполнители Исаак Шапиро (скрипка) и Ефим Мерсон (виолончель) украсили композицию вдохновенным исполнением классических произведений и еврейскими мелодиями.

До начала исполнения зрителей познакомили с известным украинским журналистом и литератором Львом Хмельковским, сыном Праведницы мира Валентины Ченцово, спасшей во время оккупации в г. Староконстантинов двух еврейских детей и двух женщин. Гостя встретили с большой теплотой и сердечностью.

Во вступительном слове Исаак Вайншельбойм подчеркнул, что современное взрослое поколение является последним поколением

вами. И безжалостно выжал педаль газа на своих "Жигулях".

"Сейчас он его разыщет. Матерый воруяга вернет похищенное. Петрухин обойдется без следствия, понятых. Приставит ко лбу пистолет да как пуганет, — Галина ходила по комнате, словно в лихорадке. — Но... но я же была тогда в жемчуге. Откуда он знает про кулон? Оп-па!"

Петрухин коротко позвонил. По глазам Галины было ясно: она догадалась обо всем.

— Ну, зайдите, — пожалла она плечами.

— Вот! — отрешенно протянул сумку Петрухин, даже не закрывая дверь. — Здесь всё. И туфли тоже.

— И Нефертити? — чуть насмешливо уточнила Галина.

— И она, — со вздохом кивнул Петрухин.

— Как вы могли? Как вы могли, Саша? Я же чуть с ума не сошла от волнения! А вы... вы, — она не находила слов. — Саша, что с вами?

Он и сам не знал. Его грудь сдавило, пекущая сухость перехватила горло. Он никогда не плакал — ни от боли, ни от обиды. А теперь стоял и конвульсивно подрагивал. В глазах накапливались и вываливались редкие крупные капли, текли по щекам. Потом по мягким пальцам, слегка пахнущим маникюром.

— Ради... чтоб вас увидеть, — выдавил он из себя.

— Боже, так романтично? Вы на такое способны! Но мне не нужно, чтобы у меня пропадали вещи, — она отвела ладонь от его лица. — Да не держите вы эту гирию. Поставьте ее. Ну, хоть сюда! И как же вы вошли в дом?

— Нас учили. Был факультатив, как замки открывать. — И перед глазами вдруг встала картина учебки, вечный прапорщик Макар:

— Мусорки молоденькие, опера хреновы, будете меня и в спальне вспоминать. Итак, отрабатываем до состояния рефлекс: перед вами противник — фас!

— Фас, — скомандовал себе Петрухин, обретая сознание.

— Что? — робко удивилась Галина.

— Вас, только вас, — сработал навык мгновенной реакции на обстановку. И на одном дыхании он выпалил сотню раз повторенную в мыслях фразу, — Галочка, только вас я хочу видеть своей женой.

— О-о-о, — прикрыв веки, простонала она, уже не отстраняясь от него. В тишине стенные часы тикали, как мина.

"Глаза светлые — искренен. Широко поставлены — активен. Большие кисти — добр", — в такт маятнику внутренний голос машинально отбивал акценты диагностики. "Про-клятый профессионализм", — подумала она.

И потянула чувственно:

— Саша.

Он ждал.

"Крупный подбородок — целеустремлен. Предприимчив. Склонен к риску. Нос гармоничен — честен. А рост! С ним можно надевать высокие каблуки. А то есть новые босоножки, а так и лежат".

— Это ты действительно ради меня? — уточнила она для верности.

— Да, — он сухо глотнул.

Умение слушать всегда превосходило у Галины умение говорить. Но теперь... Что сказать? Она ткнулась ему носом в ухо:

— Я уже и туфли для тебя купила. 45-й подходит? — Немного жмут...

— Подожди, подожди, не так сразу, — задышавшись зашептала Галина. — Ты хоть дверь закрой.

— Ах, Галиночка, теперь сюда никто не войдет, — восторженно дал Петрухин первое обещание.

Замок щелкнул. Дверь заслонила от мира тайну двоих людей.

Теперь Петрухины и Гороховы любят вспоминать столь необычный способ предложения руки. Впрочем, каждый и так все знает друг о друге, когда дружат семьями.

Доманёвский ад

ПИСЬМО ИЗ НЬЮ-ЙОРКА

В истории одесского Холокоста лагерь смерти Доманёвка, в котором погибли тысячи одесситов и евреев так называемой Транснистрии, занимает особое место. Заключенные Доманёвского концлагеря принимали немало попыток совершить спасительные побеги. Не для всех попытки завершились благополучно. Уникальный успешный побег совершил одиннадцатилетний одесский мальчишка Борис Шенфельд. Поразительно, какой силой воли обладал Боря, как цепко он боролся за жизнь, преодолевая страх, голод и физические муки. Благодаря недетскому мужеству и незаурядной находчивости, когда смертельная опасность преследовала его за каждым углом, он выиграл битву со звериным нацизмом. Три года дли-

лось беспримерное сражение, три года невероятных приключений, после которых Боря встретил Свободу в день освобождения Одессы, 10 апреля 1944 года.

Подвигу юного героя посвящена повесть Исаака Вайншельбойма "Побег из ада" (издательство "Mir Collection", 2011). Повесть пользуется большим успехом у читателей и, по многим откликам, стала заметным памятником жертвам Холокоста, которым она и посвящена. Одесский мальчишка Боря Шенфельд навсегда останется в памяти читателей.

При поддержке одесского землячества Нью-Йорка (президент — Валерий Савинкин) была создана литературно-музыкальная композиция по повести "Побег из ада", премьера

жестокое, трагическое двадцатого века, и наш долг — оставить память о Холокосте будущим поколениям. Мы, последние свидетели небывалой исторической драмы, обязаны сохранить все доказательства злодеяний, совершенных немецкими фашистами и их пособниками.

После окончания композиции Исаак Вайншельбойм представил гостям Бориса Шенфельда — героя повести и композиции, совершившего побег из "Доманёвского ада". Присутствовавшие встретили Бориса с незабываемым восторгом и долго не смолкавшими овациями.

Исаак Вайншельбойм является также автором живописного цикла "Холокост". Некоторые картины этого цикла, посвященные еврейскому Сопротивлению ("Свадьба в гетто", "Молитва", "Портрет Реббидин в гетто" и другие), демонстрировались во время представления и живописно дополнили литературно-музыкальную композицию.

Регина АВЕРБУХ.

Яков ШЕХТЕР

Откуда взялась наша надежда

ДЕТЕКТИВНАЯ ИСТОРИЯ ОБ ИЗРАИЛЬСКОМ ГИМНЕ

Недавно мы с женой побывали в Праге. Перед входом в королевский дворец на Градчанах толпилась группа израильских туристов. Группа стояла, онемев, с широко раскрытыми от изумления ртами.

Еще бы: прямо у входа, под памятником Масарику, оркестр ультраортодоксальных евреев исполнял "а-Тикву". Израильтяне, читающие эту статью, поймут всю странность и загадочность подобного зрелища, а не живущим на Святой Земле я предлагаю поверить на слово — иначе пояснения займут несколько страниц.

Мы с женой переглянулись, моментально сообразив, в чем тут дело, и принялись ожидать развития. Спустя несколько минут к начинавшим отходить от каменного оцепенения туристам вернулся гид, ходивший, по-видимому, отмечать входные билеты.

— Видите ли, — объяснил он, — бороды, черные шляпы и черные костюмы вовсе не являются однозначной принадлежностью еврейских ультраортодоксов. В Чехии, например, так одеваются музыканты.

— Но почему они играют "а-Тикву"? — не унимались туристы.

— Ну, — предположил гид, — наверное, они увидели группу израильтян и в знак приветствия исполнили наш гимн. Чехи вообще очень гостеприимная нация, вы разве не заметили?

— Заметили, заметили, — закивали туристы, и в футляр от контрабаса, призывно распахнутый на мостовой перед оркестриком, посыпались монетки.

Довольная группа двинулась за осмотр дворца, а мы продолжали слушать симфоническую поэму Бедржиха Сметаны.

— А все-таки, — спросила жена, — как получилось, что гимн государства вырос из малоизвестного музыкального произведения? Неужели прямое заимствование? Но почему именно отсюда?

Добравшись до первого кафе, обещающего бесплатный Wi-Fi, я заказал чашечку кофе с рюмкой абсента — чем еще может оживить душу в некошерной Праге голодный еврейский турист? — вытащил смартфон и погрузился в первый слой расследования. С ходу выяснилось следующее.

В симфонической поэме "Влтава" Сметана описывает одну из крупнейших чешских рек. Наигрывают флейты в начале поэмы изображают спокойное течение Влтавы, звуки труб и валторн — охоту в лесу на её берегах, ритм весёлой польки — крестьянскую свадьбу, тихая мелодия у скрипок на фоне "переливов" деревянных духовых — ночные хороводы русалок. Во "Влтаве" несколько раз звучит мотив, основанный на народной итальянской песне "La Mantovana". В Чехии эта мелодия считается неофициальным национальным гимном. Позднее она же легла в основу гимна Израиля — "а-Тиква". Поэма была написана в ноябре — декабре 1874 года.

И тут мне стало обидно. Неужели у еврейского народа с его сотнями нобелевских лауреатов и бесчисленными музыкальными талантами не оставалось иного выхода, как утащить для своего гимна мелодию второстепенного чешского композитора?

Вернувшись домой, я стал наводить справки и вскоре узнал, что не я один пришел в замешательство и что известная израильская пианистка и музыковед Астрит Бальцан провела почти восьмилетнее расследование и написала об "а-Тикве" целую книгу. Книгу эту — увы — просто так купить невозможно,

Бальцан продает ее только на своих лекциях. Пришлось пойти на лекцию.

Лекция была блестящей, книга — замечательной. Я получил ответ на все свои вопросы. Бальцан не просто развязала узелочки, но и подтвердила каждый шаг расследования фотографиями, нотами и копиями документов. В книге около 150 страниц, то есть в переводе на русский язык примерно двести. Я изложил только общий ход расследования, а жаждущие доказательств могут отыскать книгу Астрит Бальцан и воочию убедиться самостоятельно.

Мелодия "а-Тиквы" известна уже 600 лет. Это молитва о росе, "биркат аталь" испанских евреев. Бальцан нашла в Амстердаме ноты трехсотлетней давности со словами молитвы о росе. Часть испанских евреев, спасаясь от инквизиции, оказалась в Италии, где эта мелодия понравилась музыкальным итальянцам, и они превратили ее в народную песенку. Ее услышал Моцарт и написал на эту тему фортепианную пьесу, которую играл в Праге. Сметана, вдохновленный пьесой Моцарта, вставил ее в сюиту "Влтава". В общем, если говорить о заимствовании, то обвиняющий палец нужно направить в сторону многоуважаемого чешского композитора. А наш гимн — самая что ни на есть национальная еврейская мелодия!

Но как возникла такая коннотация? Почему во всех справочниках еврейский гимн однозначно увязан с произведением Сметаны? Об этом — чуть позже.

Когда новый репатриант из Румынии Шмуэль Коэн приспособил "а-Тикву" Нафтали-Герца Имбера на мотив "Ой-са", народной песенки румынских извозчиков, он вообще не думал о Сметане и, я почти уверен, фамилии такой никогда не слышал. Стихотворение Имбера полюбилось жителям Реховота, одним из которых был Шмуэль Коэн.

Надо сказать, к тому времени стихотворение претерпело значительные изменения. Давид Елин, основатель "Ваад Халашон Хаиврит", комиссии по внедрению иврита в Палестине, изменил порядок четверостиший, Иегуда-Лейб Матмон-Коэн, директор первой еврейской гимназии "Герцлия", переделал второе четверостишие, а оставшиеся семь попросту выкинул.

Имбер не получил признания, как поэт. Его книга "Баркай" — "Заря", содержащая стихотворение "а-Тиква", была разгромлена критикой. Элизер бен Иегуда обвинил его в незнании грамматики иврита, другие ивритские писатели указывали на неправильную огласовку, небрежную, хромающую рифмовку и слабую поэтическую технику. Как писали в одном из отзывов: все это указывает на лень автора, и его халатность в работе с текстом, и — самое главное — непрофессионализм. В истории литературы Израиля Нафтали-Герц Имбер вошел как автор одного стихотворения.

Но мнение профессионалов — одно, а народная любовь — совсем другое. Шмуэль Коэн задал мелодическую основу, песню начали петь, изменять, притирать и шлифовать, и, в конце концов, она превратилась в гимн. А было это так...

Герцль и Макс Нордау устроили конкурс на сочинение национального гимна. Приз составлял по тем временам немалую сумму — пятьсот франков. Но честь была куда выше стоимости награды, и на конкурс было подано сорок пять произведений известных авторов. Прослушав их, Герцль и Нордау без коле-

баний отправили все варианты в корзину.

И вот во время посещения Палестины Герцль оказался в Реховоте. Пророка еврейского государства встречали с восторгом, и в его честь хор местных жителей исполнил песню на уже известное к тому времени стихотворение "а-Тиква" в музыкальной интерпретации Коэна. Я не могу себе точно представить, как оно произошло, возможно, Герцль поднял указательный палец и сказал: "О!" — а возможно, столь откровенно еврейская мимика была чужда венскому интеллигенту и он просто попросил списать слова и мелодию... Однако именно с этого момента "а-Тиква" начинает фигурировать в качестве национального гимна.

Итак, Сметана тут совсем ни при чем. А кто же при чем? Неужели безымянный румынский биндюжник? Тоже, знаете, невелика честь...

Вот что пишет в своем фундаментальном исследовании о происхождении мелодии "а-Тиквы" композитор и музыковед Авраам Цви Идельсон:

"...речь идет о блуждающем мотиве, который много лет гулял по просторам Европы. Он берет свое начало в испанских синагогах XIV века, превращается в популярную итальянскую песню, распространяется скрипачом Каспаро Занти в XVII веке, продолжается в ашкеназских синагогах в молитве "Да возвеличитесь Всевышний" XVIII века, а оттуда перекочевывает в народные песни Польши, Румынии и Чехии".

Получается, что безымянный румынский биндюжник напевал мелодию из синагоги, а наш гимн — все-таки исконно еврейская мелодия.

Весьма занимательна история оркестровки "а-Тиквы". До возникновения государства ее обычно исполнял оркестр пожарной команды Тель-Авива. Нот не было, играли на слух, по наитию. В аранжировке симфонического оркестра "а-Тиква" прозвучала только один раз, в 1937 году, во время празднеств по случаю коронации Георга VI. Торжественный вечер открывался гимном Британии, которая тогда правила Палестиной. Из Англии специально выписали дирижера, сэра Малькольма Сарджента. Заодно с "Боже, храни короля" он сделал и оркестровку "а-Тиквы", однако нот не оставил.

В октябре 1945 года в Тель-Авиве появился знаменитый итальянский дирижер, звезда мировой величины Бернардино Молилари.

— Меня сюда позвала Дева Мария, — не смущаясь, заявлял он. — Она явилась во сне и велела ехать в Палестину, помогать евреям.

В то время попасть в Палестину было весьма непросто, но знаменитый дирижер пустил в ход свои связи и прилетел в Тель-Авив на английском бомбардировщике.

Молилари на добровольных началах, то есть совершенно бесплатно, взялся руководить тель-авивским симфоническим оркестром. Мировая знаменитость сразу вывела оркестр на иной уровень. Он был весьма эксцентричным человеком, каким может быть только настоящему гениальный дирижер. Всякий раз, становясь за пюпитр, он одной рукой поднимал дирижерскую палочку, второй оглаживал нательный крест и что-то шептал.

Перед одним из торжеств он заявил, что такого рода события должны открываться гимном.

— Где ваш гимн? — спросил он у музыкантов. — Дайте мне ноты!

— Гимн-то есть, — ответил капельмейстер, — но нет оркестровки.

— Как же так?! — вскричал Молилари. — У вас же перед войной выступал сам Артуро Toscanini. Неужели он не оставил нот?

— Маэстро Toscanini, — ответил капельмейстер, — в знак протеста против фашизма, принципиально избегал любых государственных мелодий. Так что, увы...

— Как же у вас исполняют гимн? — удивился дирижер.

— Его играет оркестр пожарной команды, — развел руками капельмейстер. — Им ноты ни к чему, сами понимаете, дудят, во что попало...

— Напείτε мне ваш гимн, — распорядился Молилари. — Я напишу оркестровку.

Так "а-Тиква" зазвучала в симфоническом исполнении.

В 1949 году, когда Израиль начал охотиться за нацистами и их пособниками, Молилари внезапно исчез. Зная его эксцентричный характер, никто не удивился. Он неожиданно приехал и так же неожиданно пропал. Подробности стали известны спустя несколько лет.

Дирижер вернулся в Италию и сразу был арестован по подозрению в содействии фашистам. Допросы однозначно установили его виновность. Выяснилось, что Молилари передал фашистам некую информацию о евреях-музыкантах его оркестра. Обвинительных материалов не хватило для судебного осуждения, но подавленный Молилари добровольно заточил себя в монастырь и после четырех лет пребывания в полном одиночестве умер в возрасте 72 лет.

Когда эти сведения докатились до Израиля, его оркестровку "а-Тиквы" немедленно изъяли из употребления. Немецкий композитор и дирижер еврейского происхождения Пауль Бен-Хаим (Франкенбургер) выполнил новую оркестровку, которая и стала официальной версией гимна.

В 1967 году, после Шестидневной войны, на горе Скопус готовили торжественную церемонию победы, с участием президента, премьер-министра, главнокомандующего и вообще всех важных особ в государстве. Дирижировать симфоническим оркестром пригласили самого Леонардо Бернштейна. Когда начали репетировать "а-Тикву", Бернштейн скривился:

— Что это такое? У вас же был другой, прекрасный вариант! Где он?

Ему объяснили, в чем дело.

— Неужели вы не понимаете?! — произнес Бернштейн. — Молилари приехал в Тель-Авив просить у евреев прощения. Он, как умел, пытался загладить свою вину.

Оркестр исполнил "а-Тикву" по нотам Бернардо Молилари. С тех пор и до сегодняшнего дня гимн исполняется только в этой оркестровке.

Так что же все-таки со Сметаной? Почему во всех энциклопедиях и справочниках "а-Тиква" связывается с симфонической поэмой "Влтава"?

А дело вот в чем. В тридцатые годы, когда отношения между британцами и еврейским ишувом в Палестине натянулись до предела, мандатные власти запретили транслировать по радио патристические песни, подхлестывавшие, по их мнению, национальное самосознание еврейских фанатиков. В первую очередь была запрещена "а-Тиква" И вот тогда-то почти каждый день радио передавало симфоническую поэму Бедржиха Сметаны. Возможно, поэтому и сложилось мнение, будто именно она послужила основой для гимна еврейского государства.

Илья Рейдерман

Стихи из новой книги

Пописай, пописай, собака,
на оперный старый театр.
Хозяйка собаки, однако,
тем более просится в кадр.
Должно быть, она музыкальна
(иль попросту рядом живет).
...Мне слышится голос хрустальный,
что по-итальянски поет.
Я словно во времени этом,
что лет полтора назад.
Сажу себе гордым поэтом,
лорнирую ложи и рад
той рифме, в которой нежданно
сливаются облик и звук.
Она! Как всегда — несказанна!
И в сердце — сладчайший испуг.
Кладутся на музыку очи,
капризные линии рта.

Люблю я! Люблю тебя! Очень!
Но что-то не так? Неспроста...
Я век перепутал, однако.
И тихо в театре пустом.
Скажи мне, скажи мне, собака,
зачем мы, поэты, живем?

* * *

Участвуя в давно известной драме
и даже зная, будет что потом,
собою будь — лепи слова губами,
произноси их пересохшим ртом.
Хоть что они? Слова, слова, слова...
Летающий воздух —
детский шар воздушный!
Неужто истина еще жива,
души касаясь чьей-то равнодушной?

Всё сказано, превращено в клише.
Но не смущайся, повторяй за теми,
кто глубоко нырнул в немоющее время,
выныривая в вечности уже.

Евгению Голубовскому

О, сколько самообладания
у лошадей простого звания,
не обращающих внимания
на трудности существования.
Анатолий Фиолетов.

Есть Багрицкий, и есть Фиолетов...
Сколько в радуге разных цветов!
Яркой краскою метит поэтов
этот лучший из всех городов.
Здесь поэт — непременно художник.
Как он краски бросает, злодей!
Из острога сбежавший острожник,
упоённый свободой своей.
Как он любит неосторожно,
как он неосторожно живёт!

Невозможное — всё же возможно.
Чистый цвет нам дарит небосвод.
Эти краски — из райского сада,
те, какими их выдумал Бог.
И такое неистовство взгляда —
позавидует даже Ван Гог!
Разве нет уже этих поэтов?
Разве слову цветному — конец?
Ночью неба клочок — фиолетов,
а деревья — одежды в багнец.
Ну а нынешние, молодые?
Я готов им простить все грехи —
пусть берут псевдонимы цветные,
чтобы радугой были стихи!
Жизнь, быть может, излишне сурова,
да и город — как будто не тот,
но основа всего — это слово,
что сияет с небесных высот.
Только выдохни воздух из лёгких —
чтобы шарик воздушный взлетел.
Может, дело — не очень из лёгких,
ну да что же — таков наш удел.
Ношу, лошадь, вези, хоть крылата —
пусть устала и сил маловато...
Ну а трудности существования
в самом деле — не стоят вниманья.

Евгений ДЕМЕНОК

Чехи

Чехи обожают собак, но говорят на кошачьем языке.

Я захожу в кафе около дома. В нём три женщины, четверо мужчин, пятеро детей и шесть собак.

Типично чешская компания. Одна из собак — огромный сенбернар размером со стол — подходит ко мне и молча требует, чтобы я её гладил.

Я глажу и напряжённо смотрю на витрину. На ней — одинокий кусок торта.

— Торт свежий? — спрашиваю я.
— Урчите, — отвечает мне молодой человек за барной стойкой.

Как урчать, когда тут собаки? Глядишь, подумаю что-то неладное.

Будто бы читая мои мысли, сенбернар зевает всей огромной пастью. Зубов — как у акулы.

Что делать? Может, урчать надо, чтобы заслужить торт?

— Прямо вот совсем свежий? — спрашиваю я неуверенно.

— Урчите, — отвечает бармен с лёгким недоумением.

Сенбернар тычет носом мне в ногу, чтобы я не переставал его гладить. На нас внимательно смотрят его друзья — большие чёрные ротвейлеры.

Как тут урчать?

— Можно мне кусок торта и кофе? — спрашиваю я робко.

Может, на этот раз обойдётся деньгами?

— Урчите, — отвечает бармен уже строго и с раздражением в голосе.

Большой чёрный ротвейлер поднимается со своего места и идёт ко мне. Видимо, хочет насладиться зрелищем моего урчания, а потом разорвать на куски.

Не доверяет сенбернару.

— Знаете, что? Урчите сами! — смело бросаю я бармену и быстро направляюсь к дверям.

— На схледаноу, — флегматично говорят чехи.

Собаки удивлённо глядят мне вслед.

Я иду домой. Буду урчать в одиночестве.

Прекрасные дамы пахнут розами, а чехи пахнут пивом.

Просыпаясь утром, чех сразу же тянется за бокалом пива. Только после него он окончательно просыпается и идёт на работу.

На работе чех ждёт не дожждётся обеденного перерыва, потому что за обедом можно выпить бокал пива.

Пиво в чешских ресторанах дешевле воды.

И действительно — какой нормальный человек будет пить воду, если есть пиво?

Пить воду — это вредительство, потому что вода нужна для производства пива.

Про вечер я вообще молчу. Все чехи собираются в кафе около дома и пьют пиво. Включая маленьких детей. В чешских кафе около дома вообще нет других напитков.

Как только наступает утро выходного дня, на улицу радостно высыпает мамы с колясками. В бутылочках у малышей, конечно же, пиво.

Чешские дети выплёвывают соску, если машина не смачивает её пивом.

Говорят, когда родился чешский Геракл, он тут же потребовал кружку пива. И только выпив её, принял душ.

Возможно, змей был зелёным.

По улицам Праги стало страшно ходить. Особенно в центре.

Вацлавская площадь, раннее утро. Я жду приятеля и, чтобы не терять времени, одновременно греюсь в лучах робкого весеннего солнца.

Вдруг из-за угла, как чёрт из табакерки, выскакивает здоровенный детина и быстро направляется в мою сторону.

Старательно делает вид, что не ко мне, а просто спешит по делам. Вот он уже рядом. Почти прошёл. Но вдруг — взгляд его меняется и даже как-то просветляется, словно он вспомнил что-то очень важное.

— Экскурсии не желаете? На русском? — спрашивает он учтиво, но как-то строго.

— Спасибо, не желаю, — отвечаю я.

— Опытный экскурсовод, — продолжает он ещё строже.

— Не нужно.

— Ну что же, хорошего дня, — говорит он укоризненно и вроде как собирается уходить, но — взгляд его снова меняется и просветляется.

— А рестораны? На русском?

— Нет, спасибо.

— Жаль, — бросает он расстроенно и идёт дальше, словно бы спешит по делам. Через пять минут я встречаю его за углом вместе со старшим, который натаскивает таких, как он, и потом выпускает на беззащитную жертву. Старший, конечно же, из экскурсионного бюро.

"Рестораны на русском, — думаю я. — Какой казус. Неужели за приезжими итальянцами тоже охотятся такие зануды? Предлагают ресторан на итальянском? Французам — на французском, а испанцам — на испанском? Нет, мне кажется, они ходят в обычные рестораны. Для всех".

А мы один раз попались на наживку и зашли в "ресторан на русском". После долгой ходьбы по тёмным коридорам вдруг попали прямо на кухню, где сидели трое мрачных мужчин устрашающей наружности и нецензурно ругались. Потом нас завели в зал, где в интерьере вокзального ресторана сидело несколько несчастных пар. В зале царило напряжённое молчание, и мы подумали, что эти пары — просто приманки для того, чтобы заманить туда нас. Помимо всего прочего, там дурно пахло.

Кстати, в то утро на Вацлавской площади на меня напали ещё несколько человек, предлагавших экскурсии. Сначала я отнекивался, потом молчал. А на последнем опробовал новый способ:

— Шо-шо? — сказал я. — Не розумію. Агентша отскачила, как ошпаренная. Вот уже третий день ко мне никто не подходит.

"Урчите" — это "конечно" по-чешски.

Леонид ГЕРВИЦ

Венецианский хромой

(ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ)

Евреи, пережившие Холокост, считают, что Бог покинул нашу Вселенную.

Был ранний вечер в Венеции. Я сидел на набережной канала и задумчиво глядел на игру грязной воды у моих ног, у белораморных позеленевших ступеней. Нежный закат разгорался за огромным телом Dei Frati и уходил своими крыльями за дома, окаймлявшими площадь. Группа французских школьников, с шумом вывалившаяся из церкви, громко крича и смеясь своей беспечной молодости, перевалила через мостик канала и во главе со своей наставницей исчезла среди домов.

Вскоре церковная служительница в длинном темном платье вышла из церкви и тихо затворила за собой гигантские тяжелые двери.

Знаменитая Assunta Тициана осталась внутри, в алтаре, и всю следующую ночь будет так же, как последние 500 лет, возноситься в бессмертие до следующего дня, когда она снова явится перед вошедшими в храм в своем нечеловеческом величии.

Чуть поодаль от нее, в полумраке собора, навечно почил ее автор, удостоенный надгробия с ее же, но уже каменным изображением. Его великое творение пережило его и теперь уже будет жить вечно, пока жив человеческий род на этой планете.

Я глядел на акварельную игру воды, на гондольера, бесечно дремавшего на корме своей кормилицы, на сотни голубей, окруживших меня в ожидании поживы, когда взгляд мой упал на одного из них, хромоного спящего среди своих ненасытных собратьев. Одна из его лапок отсутствовала, чем ставила несчастного в крайне невыгодное положение.

Чувство суровой несправедливости овладело мной. Пытаясь ее устранить доступными мне средствами, я достал из кармана недоуздок венецианский круассан и, оторвав от него кусочек, бросил в сторону бедняги. Тот, не успевший даже сообразить, что это предназначено ему, тут же подвергся массовому нападению собратьев. Сладкий кусочек теста был мгновенно растерзан и исчез в прожорливых клювах "самых мирных" птиц.

Огорченный первой неудачей, свой второй бросок я попытался сделать поточнее, чтобы кусок упал прямо перед клювом моего подопечного. Не тут-то было: туча серых перьев обрушилась неумолимо и молниеносно и туда, и мой инвалид снова остался ни с чем. Все так же нелепо ковыляя и ошалело поглядывая в никуда своим глазом-бусинкой, он явно не понимал, что происходит. А происходила судьба.

Я тут ранее говорил о желании справедливости. "Вот чудак, — скажете вы. — Ну какая может быть справедливость в природе? Это только у людей, да и то так редко случается, что многие уже забыли, как она выглядит".

"...И равнодушная природа", как сказал Гений.

Но и я ведь часть ее. Как тут быть, если мне жаль бедную птицу, которую фактически убивают родственники. Ведь могу же я хоть на чуть-чуть стать богом: спасти беднягу от неизбежной голодной гибели, ну хоть на эту одну предстоящую ночь!

Рассуждая так, я стал искать уловки, чтоб отвлечь нахальную толпу. Заброшу-ка я кусок мой спасительной булочки куда подальше. Вся серая и неопрятная масса ринется туда, а мой "венецианский хромой" не поспеет — тут-то я ему и скормлю персональный кусок. Но тщетно. И новая попытка потерпела неудачу: стая оголтелых и ненасытных успевала и туда, в сторону и назад, к его личному куску. Я уже дошел до того, что стал разбрасывать несколько комочков сладкого теста в разные места одновременно. Ничего не помогало: мой несчастный оторопело мотался из стороны в сторону, возбужденно зыркая своим коричневым глазком-горошиной. Но предательская культа не могла конкурировать со здоровыми красными лапками его многочисленных конкурентов. Я уже ничем не мог ему помочь. Чувство собственной беспомощности злило меня. "Как же так, — думал я, — я же бог, я же его выбрал, заметил и хочу ему помочь. Пусть судьба к нему неблагосклонна, но я же бог, я же должен что-то сделать, чтобы опровергнуть его жестокою планиду!"

Дремавший на своей гондоле матрос, вынырнув из-под своей необъятной соломенной шляпы с красной лентой, обреченно предложил мне прокатиться. Куда уж тут кататься... Вечер был безнадежно испорчен моей неудавшейся благотворительностью.

Я побрел темными узкими улочками в свою гостиницу. На соседнем канале гулко бухтела драга, очищая дно от грязной вонючей смеси. Мерзкий запах клоаки как-то совсем не вязался с образом великого города, этого "праздника, который всегда с тобой".

В номере было темно и сыро. Я затворил огромное "венецианское" окно и, даже не включив свет, прилег на кровать, не раздеваясь.

Мне думалось о жизни. История с голубем-калейкой как-то очень просто экстраполировалась на наши людские судьбы. Многие из нас, как и он, бьются насмерть с силами судьбы,

призывая бога если не в участники, то хоть в свидетели — нам всегда страшна борьба в одиночестве...

Легкая дрема наползает на меня, постукивание драги за окном затихает...

Небо в оконном проеме из синего переходит в черное... Я вижу себя мальчиком лет девяти в Одессе, я занят чем-то своим, но слышу, как взрослые говорят о чем-то важном, что надо бы срочно сделать. "Но почему же они ничего не делают, — думаю я, — почему же они только говорят и ничего не делают?" Надо же спешить на помощь!

Я плыву дальше по волнам сновидений, по каналам-артериям моей непростой судьбы... Я вижу рыжего мальчика-еврея с хасидскими пейсами, свисающими поверх свежего, когда-тоakraхмаленного, воротника белой рубашки. Он празднично бродит по залу синагоги. Его розовые, как спелые персики, щеки пынут спокойным здоровьем. Он, конечно, студент Бруклинской иешивы, как и его несколько сотоварищей, склонившиеся здесь же над святыми текстами. Пораженный этой беззаботной ясностью, без тени беспокойства за свой настоящий момент, спрашиваю его, что он собирается делать в жизни. "Не знаю", — отвечает. Я, все же не удовлетворенный таким ответом, продолжаю допытываться о его планах на жизнь. "Всевышний думает за меня", — был мне ответ.

"Но почему же Всевышний не хочет думать за меня?" — вопрошаю я себя.

А может, я не даю ему этот шанс? Ведь я же с детства привык быть в ответе за свои дела и планы. И хоть никто меня специально этому не учил, чувство ответственности (быть мо-

Фото с сайта 1000mil.org.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.			Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 725-45-67, 725-53-68 www.odessitclub.org .
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.	Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса" (тел. +38 067-480-37-05).	Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N 88. Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".	